

Мишель БЮССИ

ТЫ НИКОГДА
НЕ ИСЧЕЗНЕШЬ



Мишель Бюсси
Ты никогда не исчезнешь

Michel Bussi

Rien ne t'efface

Copyright © Мишель Бюсси и Presses de la Cité, 2021

* * *

Txoria txori^[1]

Если бы я подрезала ему крылья,
Он был бы моим
И не улетел бы.
Да, но тогда...
Он уже не был бы птицей,
А я любила птицу.

Баскское стихотворение

Профессор Ян Стивенсон из Сент-Эндрюсского университета изучил тысячи собранных по всему миру свидетельств детей, уверяющих, будто они помнят свои прежние воплощения. Построенная им «модель Стивенсона» основана на удивительном сходстве изученных свидетельств: дети очень редко, менее чем в 5 % случаев, говорят, что были другого пола; воспоминаниями о прежней жизни начинают делиться с двух лет и прекращают, как правило, к десяти годам; от прошлого воплощения, которое чаще всего заканчивается насильственной и ранней смертью, нередко остаются физические, соматические и психические аномалии: шрамы, родимые пятна, фобии или необъяснимые таланты.

– Это все всерьез, не треп? Этот Стивенсон, он в самом деле профессор? У него есть лаборатория? Ему можно верить?

– Что значит – можно ли ему верить?

– Ну, верить его рассказам. Эти свидетельства правдивы или нет?

– А как, по-твоему, можно определить, что правда, а что нет?

– Не знаю... Думаю, если большинство во что-то верит, тогда это скорее правда, чем ложь.

– Ну, если взять всех индуистов и буддистов, прибавить к ним четверть всех европейцев и почти треть американцев, тогда получится, что большинство людей верит в реинкарнацию. Они убеждены, что тело – всего лишь оболочка, а наша душа продолжает жить.

– И меняет оболочку, когда та изнашивается, да? Это и есть реинкарнация? Душа, как блоха, перескакивает с человека на человека или на собаку, с собаки – на кошку, с кошки – на крысу? Все так просто?

– Нет, не так просто. Это долгое путешествие. Путешествие, о котором у нас, как правило, никаких воспоминаний не остается. Разве что все пойдет не так...

– Как это – не так?

Первая стадия: Младенческая душа

Мадди, сейчас я тебе объясню, это не так уж сложно. Детские души – это души, которые только начинают свое путешествие. Они открывают для себя жизнь и смерть. На этой стадии их единственная цель – научиться выживать.

I. Исчезновение

Эстебан

1

Я разумная, предельно независимая и насквозь, до печенок, свободная женщина. И довольно богатая.

Надеюсь, именно такой меня видит десятилетний Эстебан. И именно такой я хочу выглядеть в глазах своих пациентов. *Доктор Мадди Либери, врач-терапевт, бульвар Тьера, 29, Сен-Жан-де-Люз.* Надежная, сильная, честная. Незачем кому-то знать про мои слабости, мои сомнения или мой тайный сад, и уж точно про все это незачем знать моему сыну.

С третьего этажа, из окон моей квартиры на улице Эчегарай, открывается один из лучших видов на Большой пляж, по прямой до него сто пятьдесят метров, пробежать можно за сорок пять секунд, я засекала.

Так зачем себе в этом отказывать?

Это наш с Эстебаном ритуал – каждое утро, до того, как он уйдет в школу, а я приму первого пациента, и даже до того, как мы вместе позавтракаем, мы облачаемся в то, что валяется рядом с кроватью, – и на пляж. А как только вода весной прогреется до семнадцати градусов, еще и плаваем. Все улицы в нашем Сен-Жан-де-Люз ведут к океану, как будто город строили так, чтобы волны можно было увидеть с каждого балкона.

Начало девятого. Пляж почти пуст – на длинном полумесяце, выгнувшемся от мола до мола, я не насчитала и двадцати туристов. Мы устроились рядом с террасой баскского ресторана «Токи Гошоа». Хотя «устроились» – громко сказано. Эстебан кинул на песок

красное пляжное полотенце, стащил через голову свитер с эмблемой клуба «Биарриц Олимпик», сбросил с ног зеленые эспадрильи.

– Мам, купаться пойдём?

– погоди минутку, милый.

Профессиональный рефлекс: цепким взглядом окинуть всё и всех, начиная с Эстебана. С его выпирающими позвонками и тонкими ключицами мой сын похож на креветку. И ноги у него тощие, шорты для плавания цвета индиго, с маленьким белым китом на левой штанине, болтаются. Для своего возраста Эстебан развит нормально, его вес и рост я измеряю каждую субботу, отпустив последнего пациента. Это еще один наш ритуал. Он получает свою еженедельную тарелку кебаба в том случае, если кривая веса, проведенная красным фломастером, остается в границах нормы.

– Мама, ты идешь?

Эстебан нетерпеливо ждал, пока я разденусь. Выходя из дома, я накинула поверх ярко-розового с лиловым бикини только сетчатую тунику. Мне нравится прикосновение легкой сетки, обтягивающей живот и открывающей ноги намного выше колен. Мне нравится в возрасте под сорок все еще чувствовать себя привлекательной, и не только для пенсионеров, выгуливающих своих пудельков на набережной Инфанты.

Я всмотрелась в океан. Вдалеке, ближе к Андаю и пляжу Сокоа, серферы в черных гидрокостюмах лезли на волны, как муравьи. А за спиной у нас ветер с Атлантики трепал воткнутые вдоль мола икуруиньи^[2].

– Нет. Сегодня не купаемся, милый. Волны слишком большие.

– Что?

Эстебан посмотрел на волны высотой в несколько метров. Понятно, что в такую погоду купаться нельзя. И все же для порядка стал упрашивать:

– Ну, мама, сегодня же мой день рождения!

– Знаю. И что? Что это меняет? Мы же не хотим утонуть в день, когда ты родился!

Эстебан улыбнулся мне неотразимой улыбкой Маленького принца, перед которой не устояла бы ни одна мама. Жалобный взгляд ясных глаз царапнул по сердцу. Я ласково потрепала его по волосам. Обожаю своего Маленького принца, мечтательного и упрямого, и каждый вечер, когда Эстебан безмятежно засыпает, я, стоя на балконе, благословляю астероид, с которого он упал.

– Завтра искупаемся, милый. Или вечером, если рано освобожусь. Он сделал вид, что поверил.

– Договорились.

Он прекрасно знает, что на пациентов я времени не жалею. Мы понимаем друг друга, нам незачем расставлять все точки над «і», обойдемся многоточиями... Все остальное мы договорим глазами, мы доверяем друг другу, мы – сообщники. Никакой мужчина никогда между нами не встанет! У меня в постели всегда наготове свободное место для Эстебана, чтобы он мог перебраться ко мне на рассвете. Никогда ни один любовник не разбудит меня утром таким звонким «я тебя люблю».

Порывшись в сумке, я протянула Эстебану монетку в один евро:

– Купишь багет?

Это тоже наш ритуал – с тех пор как Эстебан перешел в среднюю школу и перестал был малышом. После утреннего купания он должен вытереться, надеть свитер и сбегать в булочную за хлебом. Без меня! До булочной бежать ровно одну минуту и тридцать пять секунд. Можно даже успеть, пока я принимаю душ, накрыть стол к завтраку: вишневый джем, йогурт из овечьего молока, выжатый накануне сок. После завтрака мне надо накраситься, а ему – принять душ, чтобы вместе, рука об руку, выйти из дома: я направляюсь на работу, он – в школу.

Эстебан зажал монетку в кулаке.

И куда я так торопилась в то утро?

Мы же не купались, времени было полно.

Почему я только стряхнула с его плеча песчинки, скользнула взглядом сверху вниз, машинально проверив, не увеличивается ли ангиома, – и ушла?

Почему я не обернулась? Почему не убедилась, что он поднял полотенце, надел свитер и побежал к булочной по улице Кордери?

Но ведь для того и придумывают ритуалы? Чтобы себя успокоить? Чтобы убедить себя, что ничего плохого случиться не может? Если всегда идешь одной и той же дорогой, чувствуешь себя в безопасности.

На самом деле мы всего лишь расслабляемся, ленимся, перестаем остерегаться. И бежим от ответственности.

* * *

– Эстебан?

Я высунула голову из-под обжигающего душа. Всю стену ванной занимало обрамленное бирюзовой плиткой зеркало размером два на три метра, я смутно различала в запотевшем стекле свое тело, позолоченное нашими первыми весенними вылазками – прогулка к подножию горы Ларрун, переправа через Нив и твои неуклюжие попытки грести байдарочным веслом на озере Сен-Пе, кататься на доске в Гетари, играть в пелоту в Арканге. У тебя вся жизнь впереди, Эстебан, еще успеешь стать чемпионом.

– Эстебан?

Я нашарила кран и сумела его закрутить, не залив весь пол. Завернулась в полотенце, стоя спиной к зеркалу – потом разберусь со своим несовершенством.

– Эстебан, ты уже дома?

Но мне ответил только голос Патрика Коэна – в половине девятого на «Франс Интер» начинается блок новостей. Первым делом радиоведущий сообщил, что приехавшая на чемпионат мира в ЮАР французская футбольная сборная отказалась выходить из автобуса и

проводить открытую тренировку. Это что, главная новость часа, ничего более важного ни на одном из пяти континентов не произошло? И вообще, с какой стати у меня в гостиной оказался Патрик Коэн?

– Эстебан?

Каждое утро, вернувшись из булочной, Эстебан, пока я стояла под душем, менял станцию или вообще выключал радио, чтобы побренчать на гитаре. Иногда он записывал свои сочинения на нотной бумаге. Одаренный мальчик, я была уверена, что у него абсолютный слух, хотя так и не собралась это проверить.

Я вышла из ванной, оставляя мокрые следы на паркете из тополя, хотя такой пол нельзя мыть и вообще мочить, от каждой капли пятно может остаться навсегда. Но мне было не до того. Меня уже схватил за горло неясный страх. Я сделала еще один шаг к открытой двери кухни и застыла на месте.

Мои следы отпечатались на деревянном полу. Я не могла пошевелиться, не могла оторвать взгляд от пустого кухонного стола. От висевшей на стене гитары.

Эстебан не вернулся домой.

Я с трудом сдержалась, чтобы не заорать. Убеждая себя, что сын меня разыгрывает, я поочередно открывала двери обеих наших комнат, стенных шкафов, туалета, заглядывала под кровати, влезла на табуретку, чтобы проверить антресоли, чуть не упала, слезла, снова открывала дверцы всех шкафов, холодильника, духовки... Я начинала сходить с ума, сердце готово было вот-вот разорваться, это было начало панической атаки.

Куда мог подеваться Эстебан? Сегодня! В день своего...

И тут внезапно промелькнула догадка!

Я бросилась в ванную. Непонятно, как Эстебан успел такое проделать, но он наверняка выждал, пока я вылезу из-под душа, и незаметно спрятался в ванной. Хотя нет, не спрятался, а скорее

решил поискать то, что я там спрятала! Затаив дыхание, я присела на корточки, открыла шкафчик под умывальником.

Он на месте...

Подарок ко дню рождения. Лира-гитара, на которую Эстебан давно засматривался в витрине музыкального магазина, – звук электрогитары и очертания античного инструмента. Он и мечтать не смел, что мама ему это...

Я резко оборвала свои рассуждения.

Эстебана в ванной не было!

Эстебан не искал свой подарок. Эстебана не было нигде в квартире. Эстебан не вернулся.

Такого с ним никогда не случилось.

Я взглянула на часы на руке – рука дрожала. С тех пор как мы расстались, прошло уже больше двадцати пяти минут. На то, чтобы добежать до булочной, купить багет и вернуться домой, у него никогда больше трех не уходило...

Сбросив полотенце, я подобрала с пола валявшуюся у кровати футболку, натянула на себя, слетела по лестнице и помчалась по улице Эчегарай, потом по улице Сен-Жак. Почти все лавки были еще закрыты, лишь парами прогуливались старички лет по восемьдесят. Я летела мимо так быстро, что они и головы повернуть не успевали, только мельком замечали мою задницу под майкой на голое тело и наверняка сомневались, наяву ли это видели.

Я распахнула застекленную дверь «Пекарни Ламии», в последний момент придержав ее, чтобы стекло не разлетелось вдребезги.

– Вы не видели моего сына?

Не знаю, был ли там кто-то еще, не удосужилась посмотреть. Булочница уставилась на меня будто на привидение в саване.

– Нет... Нет, сегодня утром не видела, мадам Либери, думаю...

Но я уже выскочила за дверь. До пляжа меньше минуты. Бегом ровно сорок секунд, даже в моем состоянии. Какая-то бабулька подтянула к себе собачку, дедок убрал с моего пути трость. Пока я добежала до ресторана, совсем запыхалась. На просторной

деревянной террасе над пляжем завтракали туристы. Я пролетела мимо них – напрямик к красному пятнышку на песке.

Моя цель. Моя надежда.

Я неслась как ненормальная, с каждым шагом взметая тучи песка, забивая им глотки немногочисленным туристам.

И наконец остановилась.

Полотенце лежало на песке точно так же, как полчаса назад. Эстебан его не подобрал. Свитер с эмблемой клуба валялся рядом. Эстебан его не надел.

Я попыталась охватить взглядом весь пляж, весь океан, от мола до стены форта Сокоа, потом стала выискивать следы у себя под ногами, но ветер уже сто раз перевернул песок.

Никаких следов Эстебана!

Разбушевавшееся море с ревом катило огромные валы, кусая пляж, раз уж не могло поглотить город целиком. Я не хотела верить в страшное, не хотела на них смотреть, мне хотелось повернуться к белым фасадам домов с темно-красными решетками балок, к ящикам с цветами под закрытыми ставнями, к рядам лавок, к богатым туристам, отыскать глазами собаку, с которой мог заиграться Эстебан, мальчика или девочку его лет, какой-нибудь песочный замок, хоть что-нибудь, но мои глаза были прикованы к океану.

Волны вздымались выше трех метров.

В голове у меня звучали мои же слова.

Нет. Сегодня не купаемся, милый. Волны слишком большие.

Я до конца своих дней буду их слышать.

Никогда! Никогда Эстебан не послушался бы меня.

– Ваш сын был в шортах для плавания? Так вы сказали?

Полицейских было двое. Один смотрел на меня немигающими, будто на стекле нарисованными глазами цвета сепии. Какого цвета глаза у второго, записывавшего мои ответы, я не видела, он ни разу не поднял их с тех пор, как я вошла. Но стоило мне открыть рот, как начинал с пулеметной скоростью стучать по клавиатуре.

– Да. Только шорты. Свитер и полотенце остались на пляже.

Лейтенант не мигая смотрел на меня. Его подручный цокал по клавишам.

– Значит, синие шорты? – продолжал лейтенант, не сводя с меня невидящего взгляда.

Я старалась говорить предельно сжато и точно. Я знала, что пожарные прочесывали пляж, что немигающий лейтенант Лазарбаль связался со спасателями и три катера, несмотря на шторм, курсировали вдоль берега.

– Скорее индиго.

– Индиго?

Клавиши внезапно перестали цокать. Похоже, человек за компьютером искал в интернете, что это за цвет такой – индиго. Пустая трата времени. Я уже раз пять, не меньше, говорила про цвет шорт Эстебана разным людям в форме. Я почти заорала:

– Да, индиго! В чем сложность? Синий с фиолетовым оттенком!

Лазарбаль трижды моргнул – должно быть, это означало, что он пришел в состояние крайнего возбуждения, – и вновь уперся в меня взглядом.

– Понятно, мадам Либери. Плавки цвета индиго. Есть еще какая-нибудь деталь, которая могла бы нам помочь?

Я приказала себе сохранять спокойствие. Эстебана искали больше двадцати спасателей. Эти люди старались, выкладывались по

полной, я должна была себя в этом убедить. Сотрудничать с ними. Снова и снова отвечать на вопросы. Повторяться. Надеяться.

– На левой штанине рисунок, маленький кит, белый.

Клавиши снова застучали. Глаза Лазарбаля впервые оживились, веки двигались то быстро, то медленно. Может, это была морзянка и они звали на помощь? Или, напротив, передавали мне какое-то утешительное подсознательное сообщение?

– Не волнуйтесь, мадам Либери. У спасателей есть фотография вашего сына. Они свое дело знают. Давайте попытаемся рассуждать спокойно. Так, значит, вашему сыну десять?

– Да... Сегодня у него день рождения...

Глаза Лазарбаля снова смотрели в одну точку.

– Значит, ровно десять лет.

Мне не понравился тон, которым он протянул свое «ровно». На что он намекает? Его удивило это совпадение? Какая связь между тем, что Эстебан пропал, и тем, что у него сегодня день рождения?

– Десять лет, – повторил лейтенант. – Простите, мадам Либери, но не кажется ли вам, что он маловат для того, чтобы оставлять его одного на пляже?

Я почти зарычала на него. Так громко, что заглушила мелодию, которую выстукивали пальцы полицейского за компьютером.

– Я живу на улице Эчегарай, в сотне метров от пляжа. Все улицы между домом и пляжем пешеходные. Эстебан привык там ходить. Для своего возраста он достаточно взрослый. Спокойный. Ответственный.

Лазарбаль смотрел пустым взглядом. Слушал ли он меня вообще? Собирался ли мне помогать? Или уже готовил обвинение?

– Ваш сын хорошо плавает?

Вот куда он клонит, этот сволочной полицейский! Но я в такие игры не играю. Пусть его помощник наберет большими буквами и жирным шрифтом:

– **ЭСТЕБАН НЕ ПОШЕЛ ПЛАВАТЬ. Я ЕМУ ЗАПРЕТИЛА! МОЙ СЫН НЕ УТОНУЛ. ОН... ЕГО ПОХИТИЛИ!**

Неживые глаза Лазарбаля мне не возражали. Очко в их пользу.

– То, что мальчик мог утонуть, всего лишь предположение, мадам Либери. На данном этапе мы должны рассматривать все версии. Даже если...

«Даже если что?» – взвыл голос у меня в голове.

– Даже если пляж сегодня утром не был пустым. Мы насчитали более тридцати возможных свидетелей. Плюс туристы, которые завтракали на террасе «Токи Гошоа». Вы только что подтвердили, что ваш сын – умный и послушный мальчик. Он не пошел бы с незнакомцем, не сопротивляясь, а если бы он стал упираться, кто-нибудь это увидел бы или услышал.

«Кто-нибудь это увидел бы или услышал», – тупо повторила я про себя неотразимые аргументы лейтенанта Лазарбаля. Голова у меня была такая же пустая, как его застывший взгляд.

– Мы опросили всех, кто находился на пляже, – гнул свое полицейский. – Никто не видел, что ваш сын сам ушел с пляжа или что кто-то его увел.

– Никто не видел и что он пошел купаться!

Лазарбаль отреагировал: три раза моргнул быстро и два – помедленнее. Покосился на монитор.

– Вы правы. Ближайшие свидетели находились более чем в ста метрах, и у них не было никаких причин наблюдать за вашим сыном. Собственно говоря, никто вообще ничего не вспомнил, даже того, что заметил мальчика на пляже. Мы полагаемся лишь на ваше свидетельство.

Кретин!

– А его полотенце? Его свитер?

Лазарбаль плавно поднял руку, как делают полицейские на дороге, останавливая слишком прыткого водителя.

– Никто не подвергает ваши слова сомнению, мадам Либери. Напротив. Мы нашли его полотенце и свитер именно там, где вы расстались. Так что все, похоже, указывает на то, что он... – Наконец-то веки Лазарбаля выдали его беспокойство, задергались, он был не

в состоянии с ними справиться. – На то, что он не послушался вас. И как только вы повернулись к нему спиной, рванул напрямик к океану.

– **НЕТ!**

Самыми большими буквами, секретарь. Жирным шрифтом и подчеркни, давай, делай!

Я повторила еще громче:

– **НЕТ!** Я уверена, что **НЕТ!** Я знаю Эстебана. Сегодня у него день рождения. Ему не терпелось вернуться домой и получить подарок. Он никогда бы меня не послушался, и уж тем более сегодня. Там точно случилось что-то другое!

Меня бесил неподвижный взгляд Лазарбаля. Глупо, но на мгновение сработал профессиональный рефлекс, я подумала: может, у него туннельное зрение, какой-то дефект, препятствующий периферическому обзору, потому-то он и остался в кабинете, а не отправился искать моего сына вместе со всеми остальными полицейскими.

– Если следовать вашим рассуждениям, мадам Либери, если допустить, что вашего сына могли похитить, он неизбежно должен был знать своего похитителя, раз доверчиво пошел с ним. Есть ли у вас какие-то предположения? Друг? Родственник? Его... отец?

– У Эстебана нет отца! Я мать-одиночка. И если хотите знать, это не случайность, лейтенант, это мой выбор.

Его глаза – глаза рысака в шорах – меня не осуждали, уже кое-что. А может, ему было все равно. Он нашарил лежащую сбоку стопку бумаги, взгляд при этом не сдвинулся ни на миллиметр. Быть может, у него развито периферическое зрение? Как у всех хищников...

– Тогда кто? – спросил Лазарбаль.

– Не знаю.

Он разложил передо мной фотографии.

– Мы проверим. Будем искать. Мы уже получили десяток фотографий, главным образом от посетителей ресторана. Вы часто

оказывались в кадре. Почти все они были сделаны, когда вы вернулись искать сына.

Мой взгляд скользнул по снимкам, по слишком короткой футболке, голым ляжкам. Он тоже, неотрывно глядя мне в глаза, видел своим боковым зрением мою задницу? Ну пусть полюбуется! Пусть кому хочет показывает эти мерзкие снимки, сделанные похабниками-туристами с террасы ресторана, лишь бы только моего сына нашли. Помощник Лазарбаля, не удержавшись, повернулся к нам, но лейтенант проворно убрал фотографии.

– Мы их увеличим, – пообещал он, – и попросим вас внимательно их изучить, вдруг вы кого-нибудь узнаете. У нас есть еще несколько фотографий пляжа, сделанных чуть раньше, но Эстебана нет ни на одной. И на улицах он тоже никому не встретился. Так что при отсутствии других данных основной гипотезой остается...

Жми на клавиши, секретарь, пока не продавишь их.

– **ЭСТЕБАН НЕ УТОНУЛ.** Сколько раз мне вам это повторять? Посмотрите на снимки, увеличьте их, и вы увидите, что Эстебан оставил там полотенце, свитер и эспадрильи. Кстати, а где его эспадрильи? Не пошел же он в них купаться!

Я цеплялась за эту надежду, за что угодно, лишь бы не представлять себе тело моего мальчика, унесенное океаном.

– Мне очень жаль, мадам Либери, должно быть, я выгляжу чудовищем, предполагая худшее, но... Ваш сын мог подойти к воде в эспадрильях и оставить их на песке. А потом их смыли волны. Или, еще проще, кто-то их подобрал...

– А свитер и полотенце этот кто-то не тронул?

– Могло быть и так. Или же эспадрильи занесло песком. Мы поищем.

Секретарь давно перестал печатать, как будто мои аргументы его не интересовали и он уже записал все подсказанные ему Лазарбалем ответы. Однако у меня оставался последний аргумент. Только он и удерживал меня от того, чтобы не выскочить за дверь и не рвануть напрямиком к океану, пусть бы и меня тоже унесла волна.

- У него свитер без кармана.
- Простите?..
- И на шортах кармана тоже нет.

Глаза Лазарбаля впервые окончательно пробудились и заметались.

– И что же?

– Я дала Эстебану монетку в один евро, я каждое утро даю ему евро, отправляя за хлебом. Если бы он пошел купаться, ему пришлось бы оставить ее на пляже. Никто не идет купаться с деньгами в кулаке. А я не нашла монетки ни на полотенце, ни на песке, я все на метр вокруг обшарила.

– Мы поищем еще, мадам Либери. Обещаю вам, мы весь песок через сито просеем.

– Я уже искала, лейтенант! И продолжу.

И буду молиться, молиться изо всех сил, чтобы ее не найти.

Если я так ее и не найду, значит, Эстебан не пошел купаться. Значит, он все еще где-то есть, с зажатой в кулаке монеткой.

Найти эту монетку – значит обречь его на гибель, искать ее – значит надеяться...

* * *

Я искала ее все эти годы.

И все эти годы надеялась.

Я так и не нашла их.

Ни монетку.

Ни Эстебана.

Десять лет спустя

3

Я шла по выбеленному солнцем песку пляжа в Сен-Жан-де-Люз, время от времени останавливаясь и выбирая новый ориентир: причал, ресторан «Токи Гошоа». Потом вдавливала ступню как можно глубже, вытаскивала, песчинки осыпались, я проходила еще немного. И все по новой.

Что я ищу?

На что надеюсь?

Эстебан пропал десять лет назад.

– Брось ты это дело, – сказал Габриэль у меня за спиной.

Я даже не обернулась, не улыбнулась ему.

Сегодня Эстебану исполнилось бы двадцать.

– Посмотри, – прибавил Габриэль, – мы только что прошли, а ветер уже стер наши следы.

Он, как всегда, был прав. За десять лет ничего не изменилось. Все тот же ветер резвился над пляжем, трепал все те же икурины, те же серферы взлетали на те же волны, те же официанты подавали кофе в тех же чашках, и те же немногочисленные туристы разбрелись по пляжу. И все же ни одна деталь никогда не повторяется, ни одна волна не похожа в точности на свою предшественницу, ни одно облако никогда не замрет в небе, ни один из персонажей не перестанет стареть.

Габриэль подошел ко мне, обнял за талию, поцеловал в шею. Я смотрела, как наши тени вытягиваются на песке, тесно прижимаясь одна к другой, сливаясь в объятии, будто парочка в старом черно-белом фильме.

Идиллическая декорация для романтической утренней прогулки.

И все же я высвободилась.

Прости, Габриэль, обещаю тебе, у нас еще будет волшебное утро, и не одно.

Сегодня Эстебану исполнилось бы двадцать.

Эстебан был бы отличником, блестяще сдал бы выпускные экзамены, и мы с ним отметили бы это в лучшем на всем баскском побережье ресторане. Эстебан был бы великолепным пловцом, эти годы вылепили бы из него атлета. Эстебан продолжал бы играть на гитаре, Эстебан точно отпустил бы волосы, Эстебан держал бы меня за руку в свой день рождения, и я бы гордилась им.

Ты взял меня за руку, Габриэль. И я не отняла руки.

Я впервые вернулась на этот пляж.

Десять лет назад, когда через месяц после исчезновения Эстебана полиция прекратила поиски, мне необходимо было уехать. Далеко, очень далеко. Я открыла свой кабинет у другого моря, более холодного, менее дикого, среди скал Этрета.

Надо было начинать жить заново. Вскоре в моей жизни появился Габриэль.

Десять лет спустя мне понадобилось вернуться сюда.

Рука у Габриэля сильная, теплая, крепкая... и пустая. В ней не моя рука, а сухая ветка. Пять деревянных пальцев.

Я помню все, о чем думала тем утром 21 июня 2010 года перед тем, как оставить Эстебана одного на пляже.

Никакой мужчина никогда между нами не встанет. У меня в кровати всегда наготове свободное место для Эстебана, чтобы он мог перебраться ко мне на рассвете. Никогда ни один любовник не разбудит меня поутру таким звонким «я тебя люблю».

Никогда больше Эстебан не придет ко мне на рассвете. Его место занимал теперь Габриэль, но сколько бы он ни говорил мне утром «я люблю тебя», это ни в какое сравнение не шло со словами Эстебана.

Габриэль снова нежно поцеловал меня.

И это тоже не шло ни в какое сравнение с поцелуями Эстебана, хотя сегодня утром так утешало меня.

Я сама предложила Габриэлю поехать со мной на неделю в Сен-Жан-де-Люз, прямо сказав, зачем туда возвращаюсь и что хочу отыскать. Он сразу согласился, и я забронировала номер в гостинице «Каравелла», рядом с моей прежней квартирой. Выбрала самый роскошный, чтобы доставить удовольствие Габриэлю. Денег у меня достаточно, я хорошо зарабатываю, а желаний почти никаких.

Я продолжала зарываться ногами в песок, будто надеялась десять лет спустя найти монетку. Ту, которую Эстебан бросил здесь, а потом побежал к океану и утонул. Я надеялась покончить с этой тайной. С тысячами вопросов, оставшихся без ответов. С так и не решенными уравнениями.

Что произошло на этом пляже утром двадцать первого июня 2010 года?

Габриэль отпустил мою руку, снова обнял меня за талию, мы тесно прижались друг к другу.

Медленно шли по длинному, больше километра, пляжу. Габриэль часто останавливался, чтобы меня поцеловать. Я подставляла щеку, стараясь не казаться отчужденной, заставляла себя любоваться его чарующими темными глазами, темными волосами и кожей, с которой загар не сходит даже нормандской зимой.

Никакой мужчина никогда между нами не встанет.

Я никогда не поверю, что кто-то сможет заменить мне Эстебана. Габриэль его и не заменил – всего лишь занял пустое место. Принял мои страдания, перепады настроения, слезы, страхи, мое молчание и одиночество – никаких друзей, встречи только с психотерапевтом. Если бы не Габриэль, я бы сошла с ума. Он не жаловался, не задавал вопросов, ему довольно было капли нежности, чтобы его изредка погладили. Как милый, ласковый домашний питомец.

Прости, Габи, я бываю такой жестокой.

Мы брели куда глаза глядят, я неотрывно смотрела на стены форта Сокоа на дальнем краю бухты, на возвышающуюся над ними круглую башню, на разноцветные лодки у ее подножия. С такого

расстояния форт больше был похож на замок, собранный из деталек «Лего», чем на неприступную крепость.

Наши с Габи немногочисленные знакомые думали, что из нас двоих сильнее я. Ведь это же я – доктор Мадди Либери. Та, которой нельзя не восхищаться, та, что сумела заново начать жить. А Габриэль – поэт и мечтатель, слегка взбалмошный и ленивый.

На самом деле все наоборот. Никто ничего не понял. Все эти годы Габриэль меня поддерживал.

* * *

Я увидела его издалека.

Поначалу просто какое-то цветное пятнышко на уже залитом солнцем пляже. Туристов было немного, слишком рано для них. Я насчитала человек с полсотни: несколько парочек, несколько семей, еще кто-то бегал трусцой, кто-то выгуливал собак.

Пошла к нему и Габриэля за собой потащила. С каждым метром пятнышко становилось все более отчетливым, цвет – все более определенным.

Шорты цвета индиго.

У меня по коже пробежали мурашки. Вот уже десять лет каждый раз, когда я оказывалась на песчаном или галечном пляже, огибала расстеленные полотенца, уворачивалась от летящих мячей и от брызг, стараясь не слышать смеха бегущих купаться детей, сердце все так же сжималось от боли. И я невольно провожала глазами мальчиков в слишком широких шортах для плавания, если шорты были синие. Десятки, сотни раз эта боль пронзала меня на пляжах Этрета, Довиля, Кобура или Онфлера.

Я отпустила руку Габриэля.

У мола несколько мускулистых парней и стройных девушек играли в волейбол. Играли отлично, мяч еще ни разу не упал.

Габриэль остался смотреть игру, я пошла дальше.

Теперь уже не мурашки бегали по моей коже, теперь в меня впивались отравленные жала.

Я прекрасно видела мальчика в шортах цвета индиго, хотя и со спины.

На вид ему было лет десять. Он расстелил полотенце рядом с маминим. Блондинка лет тридцати, тощая, ни груди, ни задницы.

Мысли в голове заметались, но я старалась себя образумить.

Да, я уже видела такие шорты на десятилетних мальчиках и еще не раз увижу. Однако голос в голове не умолкал.

Несомненно, в любом магазине можно купить шорты такого цвета, но увидеть их сегодня, в тот самый день, когда...

Я чуть не закричала.

Мальчик сел на полотенце, лица его я по-прежнему не видела, зато видны стали согнутые ноги в шортах...

Рисунок...

На ткани цвета индиго, на левой штанине.

Маленький белый кит.

Жала, впившиеся мне в сердце, превратились в клинки.

Точно такие же шорты носил Эстебан десять лет назад.

Какова была вероятность, что все совпадет именно здесь и сейчас? Я пыталась рассуждать трезво, чтобы не свалиться в открывшуюся передо мной пропасть. Я понимала, что сотни, а то и тысячи таких же шорт носят сотни или тысячи мальчиков.

Но здесь? И сегодня?

Габриэль до меня не дошел – наверное, продолжал любоваться волейболистками. Ну и пусть, не стану же я, разумная взрослая женщина, ревновать к сопливым девчонкам.

Даже лучше, что его нет рядом. Не придется объяснять, почему я хочу подойти поближе к этому мальчику и его маме, хочу – вот только ноги не держат.

Не надо, чтобы Габриэль заметил, как у меня подрагивают руки. Не надо, чтобы он видел, как меня заморозили растрепанные

светлые волосы мальчишки, сидящего на полотенце, его тощие ноги, выпирающие позвонки.

Между нами уже меньше десяти метров, я слышала их разговор.

– Мама, пойдем купаться?

Мать не ответила. Молча раскрыла глянцевого журнал.

Дальше все было как при замедленной проекции. Мальчик, продолжая уговаривать маму, слегка повернул голову.

На меня он не глядел, меня для него все равно что и не было.

А я только его и видела.

Я узнавала каждую его черточку, его улыбку, блеск голубых глаз, линию, идущую от лба к подбородку, каждую ямочку, каждую ресничку – те же пропорции, то же выражение лица.

Это он!

Не ребенок, похожий на него, и не двойник.

Это мой Маленький принц!

Это Эстебан.

Неважно, что сегодня ему исполнилось бы двадцать, неважно, что все это было лишено всякого смысла, что верить в это – чистейшее безумие.

Я знала, что это он.

* * *

Мальчик в шортах цвета индиго каждое утро приходил на пляж. Всегда с мамой. И всегда они устраивались на одном и том же месте, между молотом и террасой ресторана «Токи Гошоа».

В первый день я села на песок в восьми метрах от него. Я приближалась постепенно, метр за метром, набравшись терпения, будто приручала птицу.

Они меня не замечали. Мать всегда что-то читала, а мальчик смотрел сквозь меня, словно сквозь облако пыли. Как будто

песочные часы моей жизни перевернули и мой Маленький принц был жив, а сама я стала призраком.

Я не призрак! Я существо из плоти и крови, я это знала, я это чувствовала, и если бы он пронзил меня мечом, мне было бы не так больно, как от его безразличного взгляда.

Я ничего не сказала Габриэлю.

Он бы мне и не поверил.

Он ждал меня в постели, в нашем роскошном номере. По вечерам он допоздна засиживался за компьютером и просыпался поздно. Он терпеть не мог купаться с утра пораньше.

Я мысленно поблагодарила его.

Каждое утро с тех пор, как мы приехали, я шпионила за этим мальчиком и его мамой, и мне не приходилось ничего объяснять. Примерно через час они уходили с пляжа, а я возвращалась в гостиницу, к Габриэлю.

Мальчика звали Том.

Он был послушным и довольно спокойным. Иногда казался немного грустным.

Я думаю, он скучал. Не вылезал из воды.

Отличный пловец, как и Эстебан.

Его мать в воду не заходила. И почти не смотрела за сыном. Только распоряжалась, не отрываясь от книги: *не уходи далеко, обсохни, оденься*. Том время от времени просил с ним поиграть. Ее хватало на несколько минут, потом она снова предоставляла ему развлекаться в одиночестве. И скучать.

Голос у Тома был не совсем такой, как у Эстебана. И кожа немного светлее. Но эти отличия – мелочь по сравнению с явным сходством. Если бы Тома можно было поставить рядом с Эстебаном, никогда бы не угадать, кто из них кто.

Совершенно одинаковые, близнецы.

Три дня я пыталась себя образумить – у меня высшее образование, я врач, я не верю ни в какого бога и ни в какой рай, Эстебану сейчас было бы двадцать лет, Тому на вид десять, и пусть он улыбается как Эстебан, смеется как Эстебан, плавает как Эстебан и носит такие же шорты...

Том не может быть Эстебаном.

И тогда я уцепилась за единственное доказательство, которое еще могло бы меня убедить, что я не падаю в бездонный колодец предположений, не держусь за абсурдную иллюзию.

Ангиома Эстебана. Заметное родимое пятно на уровне лобка, под шортами.

Я подстерегала момент, когда Том вставал, раздевался, одевался или когда мать стряхивала приставший к его коже песок – такое случалось редко. Я впивалась взглядом в низ живота мальчика, разрываясь между голосом разума, надеждой на то, что никакого пятна там нет и это помешательство наконец закончится, и голосом сердца, надеждой увидеть справа это родимое пятно, доказательство, что передо мной живой Эстебан.

И пусть он за десять лет не стал старше. Пусть он меня не помнит, у него другое имя и другая мама. Неважно, куда он исчез и что пережил за все эти годы.

Он вернулся.

Но, как я ни старалась, ничего у меня не вышло. Стаскивая шорты, Том стыдливо заворачивался в полотенце. Ничего я не разглядела и когда он выходил из воды и отяжелевшие шорты чуть съезжали на бедрах. Я проклинала его мать, которая за три дня ни разу не достала тюбик крема от загара. Светлая кожа Тома покраснела в первый же день. Он ни разу не пожаловался, но из-за солнечных ожогов еще труднее было бы различить пятно на его коже.

Можно подумать, мать нарочно поджаривала его на солнце, чтобы скрыть метку!

– Мама, иди сюда!

Том стоял в воде, волны доходили ему до пояса, но чуть подальше, в нескольких метрах, поднимались куда более грозные валы. Любая волна посильнее могла его опрокинуть. Я еле сдерживалась, мне хотелось заорать, велеть ему вылезать из воды, все высказать его матери. Она неохотно подняла глаза от книги.

– Ты идешь, мама? – звал Том. – Не хочешь – не купайся, только сфотографируй меня. Смотри!

Когда волна вот-вот должна была врезаться ему в спину, он изо всех сил подпрыгивал, падал в соленую пену, смеясь, отплевывался и пытался встать на ноги, пока не накатила следующая волна.

Эстебану тоже нравилось так играть. Но я была рядом с ним.

– Мама!

На этот раз мать, против всех ожиданий, встала, взяла мобильник и направилась к океану.

До ее подстилки меньше семи метров. Сейчас или никогда!

Я проводила ее глазами. Она шла к воде, подняв телефон до уровня глаз.

Другого случая у меня не будет.

Вокруг никого не было, если не считать дремлющих бабушки с дедушкой и их внуков, роющих яму в песке.

Я не спеша подползла, уверенным движением взялась за пляжную сумку матери Тома. Ее бумажник лежал там, среди сваленных как попало книг, шариковых ручек, ключей и каких-то флаконов.

Обернулась – хотела убедиться, что она по-прежнему стоит ко мне спиной.

Схватила бумажник, торопливо раскрыла, отгоняя тучу неприятных мыслей, да, я спятила, я роюсь в чужих вещах, если меня поймают, если... Но это все потом.

Вытащила удостоверение личности. Надо было как можно быстрее, буквально за секунду все запомнить, а потом успеть положить бумажник на место, отползти, снова стать невидимкой.

Руки у меня дрожали, пластиковая карточка выскользнула из пальцев, упала на песок.

Черт!

Я умоляюще взглянула на океан. Том плескался в воде, его мать, стоя с мобильником в руке, ждала, пока мальчик наиграется в дельфина.

Подняв карточку и стряхнув с нее песок, я прочитала:

Амандина Фонтен

Фруадефон

63790 Мюроль

В интерьере кабинета доктора Ваяна Балика Кунинга строгость – демонстрация серьезного отношения к его клиентам – сочеталась с экзотикой. Это создавало спокойную атмосферу, располагавшую к расслабленности и откровенности. Искусно подобранные материалы рождали гармонию желтых тонов: шафрановые стены, золотистый ковер на полу, кожаные кресла и диван цвета маиса, некрашенная деревянная мебель и немногочисленные медные предметы: часы с маятником, две лампы, несколько скромных статуэток балийских божеств.

Пока я устраивалась на диване, Ваян Балик Кунинг зажег сандаловую палочку, не спеша подготовил к работе диктофон и уселся в кресло из древесины гевеи.

Лицом ко мне.

Так лучше.

Во время первых сеансов он садился позади меня, и меня бесило то, что я его не вижу, мне казалось, я разговариваю со стеной, я не могла проверить, не уснул ли он, не играет ли на телефоне в *Candy Crush*. К тому же на Ваяна Балика Кунинга приятно смотреть. Утонченный плод французско-балийского скрещивания. Золотисто-смуглая кожа, черные как смоль волосы с проблесками серебра, взгляд побитой обезьяны, но сложение при этом атлетическое. Доктор Кунинг – дипломированный психиатр, выпускник медицинского университета Париж V, ничего общего с шарлатаном, который дурит пациентов, украшая свой кабинет изваяниями Вишну, Шивы или Брахмы.

– Так вы говорили, Мадди, что этот мальчик, Том Фонтен, похож на Эстебана?

– Нет, Ваян, я не это сказала. «Похож» – неточное определение. Я сказала вам, что... что это был он!

Ваян еще основательнее устроился в кресле, ухватился за резные подлокотники. Приготовился к сложному сеансу. Он пока не представлял, до какой степени...

– Мадди, вы прекрасно знаете, что это невозможно. Эстебану сейчас было бы двадцать лет. И этого простого соображения достаточно, чтобы прекратить строить какие бы то ни было домыслы и иллюзии на этот счет. Том – не Эстебан.

Я порывалась ответить, но Ваян поднял руку, показывая, что я не должна его перебивать.

– А значит, следует взглянуть на эту проблему с другой точки зрения и задать себе первый вопрос. Почему вы уверены, что этот мальчик, о котором вам ничего не известно, до такой степени похож на вашего сына? Мы не получим ответа, не задавшись другими, еще более тревожащими вопросами. Прежде всего – почему вам через десять лет после исчезновения вашего сына захотелось вернуться в Сен-Жан-де-Люз? Поймите, Мадди, важно не то, что вы нашли на этом пляже, а то, что вы там искали.

Я не позволила себе вскочить с желтого кожаного дивана, я старалась говорить спокойно, контролируя дыхание.

– На этот раз – нет, Ваян! Раньше – да. Я соглашусь с вами: когда мне казалось, будто я узнала Эстебана в Кобуре, в Довиле или Онфлере, это мой мозг не давал зарубцеваться моим ранам. Речь шла всего лишь о сходстве, я это признала, вы меня убедили. Но на этот раз все по-другому. Это... на самом деле он!

Ваян заговорил еще медленнее, чем я. По его тону я понимала, что он не допустит в свою терапию никаких иррациональных объяснений.

– Ну хорошо. Нам еще предстоит большая работа, Мадди, вы отдаете себе в этом отчет?

– Да, конечно. Но... Но нам придется прервать сеансы.

Я слегка приподнялась, чтобы увидеть его реакцию. Красивое лицо Ваяна застыло.

– Простите? Успокойте меня, Мадди, скажите, что я не расслышал.

С усилием я заставила себя улыбнуться. Прежде чем ответить, надолго задержала взгляд на плакатах с изображениями храмов – Ангкор, Боробудур, Ват Сакет – и постерах с горой Батур и рисовыми плантациями.

– Мне будет недоставать вас, Ваян. Вы в самом деле очень помогли мне все эти годы. Я бы рада была продолжить терапию, но...

Ваян Балик Кунинг, император самоконтроля, с трудом скрывал растерянность.

– Я разочаровал вас? Что-то сделал не так? Если это вопрос денег, я могу...

– Нет-нет, деньги тут ни при чем. Просто... я переезжаю.

Долгая пауза. По комнате медленно расплывалось сандаловое облачко. Казалось, будто Ганеша из лавового камня с изогнутым, как вопросительный знак, хоботом еле сдерживается, чтобы не чихнуть.

– Но почему? И... куда вы едете?

– В Овернь. Они уже почти три года ищут врача-терапевта в маленькую коммуну с населением пятьсот человек. Они меня встретят с таким обожанием, с каким не встретили бы и величайшую целительницу индуистского пантеона.

Ни разу за все те годы, что я его знала, Ваян не смотрел таким обезьяньим взглядом. С этими прекрасными влажными глазами он был просто неотразим. Сколько пациенток в него влюблялись?

– Ведь это там живет Том Фонтен, да?

И к тому же умен.

– Да. Мне очень жаль, Ваян, но я должна... проверить.

– Проверить что? Его родимое пятно, я угадал? Ангиому Эстебана. И что дальше? Подружитесь с матерью этого Тома Фонтена? Станете втираться в ее семью, скрывая свое прошлое? Вы хотите ее заменить? Просто потому, что этот мальчик похож на сына, которого вы потеряли?

– Я не потеряла его! У меня его украли!

От моего сдержанного тона вмиг ничего не осталось, но я заставила себя снова заговорить спокойно. Не хотелось бы, чтобы наш последний сеанс закончился на враждебной ноте.

– Я... мне очень жаль, Ваян, но я должна туда ехать. Как бы там ни было, я приняла решение. Я уже отказалась от врачебного кабинета в Этрета. Меня ждут в Мюроле.

Ваян встал. Он никогда не делал этого во время сеансов.

– Вы не против, если я закурю?

Я улыбнулась:

– Будьте как дома.

Он открыл ящик, достал длинную тонкую сигарету – горящая сандаловая палочка перебьет ее запах, и следующий пациент ничего не заметит.

– Вы начали здесь новую жизнь, Мадди. Вы теперь не одна. – Он надолго умолк, не припомню, чтобы он когда-нибудь так тщательно подбирал слова. – Уверены ли вы, что ваш... м-м... что Габриэль согласится все бросить и последовать за вами?

Я снова улыбнулась.

– Я с ним еще не говорила, но думаю, он готов последовать за мной куда угодно... Если только там можно подключиться к интернету.

Прекрасное лицо Ваяна на мгновение сделалось страдальческим. Мне всегда труднее всего было говорить с ним о моей личной жизни. Я знала, что его не оставляют равнодушным ни мои светлые волосы, ни моя энергия, ни слезы, которые я год за годом проливала в его кабинете. Хотя, может быть, все было наоборот, может, это я, сама того не сознавая, после всех этих лет в него влюбилась.

Но если даже и так, что от этого менялось? Я свой выбор сделала, он тоже, мы с ним взрослые разумные люди, способные справиться с разочарованиями и противоречиями. И я ответила самым легкомысленным тоном, на какой была способна:

– А если Габриэль не согласится, то тем хуже для него, я своего решения не изменю. Ваян, вы меня знаете, я женщина

решительная... и свободная.

– Нет, Мадди, нет-нет, свобода – нечто другое.

Сигарета Ваяна распространяла чудовищный запах гвоздики. У меня не было ни малейшего желания вступать с ним в философские беседы. Только не сегодня. Слушать поучения тоже не хотелось. И еще того меньше – диагностику моего психического здоровья.

– Ваян, у меня к вам напоследок одна просьба. Могу ли я забрать записи всех наших сеансов? Мне хотелось бы заново их прослушать.

Он сделал долгую затяжку. Придется ему сжечь все свои запасы благовоний, если он хочет избавиться от запаха.

– Вы уверены, что это стоит делать?

– Нет, совершенно не уверена. Я вообще ни в чем не уверена. Именно потому я и хотела бы взять все записи с собой.

Ваян нехотя поплелся к своему рабочему столу.

– Как скажете. Я не могу вам в этом отказать, они принадлежат вам. Это вы настояли на том, чтобы все сеансы записывались. Я скопирую их для вас на флешку. Вы хотите только ваши, из этого кабинета, или и те... прежние?

– Все сеансы, Ваян. Пожалуйста.

Я слышала, как он нервно барабанит по клавишам.

– Когда вы уезжаете?

– Через полгода. В последний раз проведу Рождество у подножия скал, а в край вулканов приеду в феврале, когда они будут покрыты снегом.

Он смотрел на монитор, на список наших прошлых сеансов. Влажные глаза были печальны и задумчивы.

– Мадди, могу ли я, в свой черед, попросить вас об одолжении?

– Ой... Вы меня пугаете.

Он продолжал всматриваться в наши встречи, превратившиеся в восемьдесят три файла.

– Когда вы отсюда выйдете, вы перестанете быть моей пациенткой. Мы снова станем, так сказать, коллегами. Может быть, до вашего отъезда посидим где-нибудь? Выпьем, поужинаем...

Он сделал последнюю затяжку. Я смотрела на него с нежностью.

– Ваян, вы же сами сказали, что я живу не одна, у меня есть Габриэль.

– Но вы свободная женщина...

– Да. А вы – нет.

– Что – нет?

– Вы не свободны.

– Я? Мадди, нет человека более свободного, чем я. У меня нет ни жены, ни детей, ни...

Я прервала его так мягко, как только могла:

– Нет, Ваян, вы не свободны. Не свободны до такой степени, чтобы все бросить, не свободны до такой степени, чтобы всем пожертвовать. А я, как мне кажется, могу жить только с человеком, способным на такое. Я эгоистка, да? Поверьте, вы обладаете всеми достоинствами, но вы не тот человек, который может от всего отказаться, все бросить ради того, чтобы последовать за любимой женщиной.

Вторая стадия: Детская душа

Следующий возраст души, Мадди, – тот, когда понимаешь, что живешь не только для себя. Надо считаться с другими людьми. Душа должна научиться преодолевать свои влечения или, по крайней мере, их контролировать, научиться хитрить, играть, плутовать, обольщать, любить.

II. На новом месте

Добро пожаловать в Мюроль

5

Я распахнула ставни. Из окна моего кабинета были видны горы Пюи, замок Мюроль на ближайшем холме и вершина Санси на горизонте. Солнце ворвалось в комнату, едва я открыла ставни, будто и его манила прохлада старого камня.

Вот уж не думала, что меня здесь такое ждет.

Полгода до переезда в Овернь я готовилась к пасмурным дням, низкому небу, заснеженным дорогам, мокрым водосточным желобам, холодным каменным стенам и дыму над крышами, к безлюдным улицам, к шарфам и шапкам, к тому, что все сидят по домам... Но с самого моего приезда все было наоборот.

Овернцы не припомнят такой мягкой зимы. Пятнадцать градусов в середине февраля. На солнечных склонах вулканов – больше двадцати пяти. Разве что под утро лобовые стекла машин подмерзали.

Мой врачебный кабинет расположен в самом центре Мюроля, в двух шагах от моста из лавового камня, перекинутого через Куз-Шамбон. Здесь потише, чем на улице Гамбетта в Сен-Жан-де-Люз, но это не город-призрак. За окном слонялись неприкаянные лыжники, стройными рядами шагали любители пеших прогулок, дети, разбегаясь после уроков, своими криками будили разомлевших на солнце старушек и дремавших за кружевными занавесками котов.

Я жила в Мюроле уже три недели и ни разу не пожалела о том, что перебралась сюда. Они три года ждали врача! Меня встретили так, будто я вернулась из Америки с золотыми слитками и раздавала их направо и налево. В моем кабинете перебивали все: мэр, школьная учительница, водопроводчик, мясник, сторож маленького музея. И

все меня заверяли, что здесь круглый год полно народу; все меня хвалили, видя, что я готова, не скупясь, тратить на них время; все предлагали помощь, и я не стеснялась просить о ней. Здесь, если соглашаешься открыть свою дверь или стучишься к другим, недолго остаешься в одиночестве.

Спасибо, друзья, но я не одинока. Включив компьютер, я проверила, кто записан на сегодня. Теперь всё делается через интернет, даже в овернской глуши можно обойтись без секретарши. Рассеянно прокрутила список пациентов, щурясь от солнца, которое било прямо в монитор.

И вдруг...

Я старалась дышать спокойно, но давалось это с трудом.

Я знала, что время будет работать на меня. На десять километров в округе нет другого врача. Надо было только терпеливо ждать, пока он ко мне придет. Все, что я делала в последние полгода, – покинула Нормандию, пересекла всю Францию, поселилась здесь, открыла свой кабинет – я делала только ради того, чтобы эта встреча состоялась. И все же вздрогнула от неожиданности.

Мелани Пела, 9:00

Жерар Фрес, 9:15

Иветт Мори, 9:30

Том Фонтен, 9:45

* * *

– Прошу вас, мадам.

9:55. Продуманное опоздание – чтобы не казалось, будто я торопилась сплавить других пациентов. Всего десять минут, которые так трудно было вытерпеть.

– Входите.

Амандина Фонтен положила свой журнал о здоровом образе жизни на столик в приемной, встала и вместе с Томом вошла в кабинет.

Я закрыла за ними дверь. Мы остались втроем. Когда Том оказался рядом, мне захотелось потрепать его по волосам, положить руку на плечо, погладить по щеке. Я не видела его с июня прошлого года. Потертые джинсы и растянутый свитер из некрашеной шерсти были ему велики, плохо сидели – ничего общего с тем, как одевался Эстебан, и все же Том стал еще больше похож на него.

Я была готова. Я сотню раз мысленно репетировала эту встречу. Нельзя было поддаваться волнению.

Нас разделял письменный стол. Том покосился на вазочку с конфетами – награда для маленьких пациентов, которые держались храбро. Я сразу обратилась к нему, будто Амандины здесь и не было. Это даже не стратегия, я всегда так поступала с детьми. Пусть они своими словами опишут мне симптомы своих болезней, пока не вмешались родители.

– Ну, малыш, на что жалуешься?

Том удивленно посмотрел на меня большими голубыми глазами – он не ждал, что я заговорю с ним.

Этот взгляд, господи, этот взгляд...

И тотчас встряла Амандина.

– Ни на что, – заявила она, – он уже выздоровел. Том пропустил три дня, сильно кашлял, не мог ходить в школу. Знаете – горло воспаленное, сопلي, сморкаться толком не умеет, в общем, вы себе представляете. Но теперь все прошло.

Зачем тогда вести ребенка к врачу, если он здоров? Но я не успела задать вопрос, Амандина меня опередила:

– Мне нужна только справка. Для школы. Или они мне такой цирк устроят из-за этих пропущенных дней. А сегодня последний день перед зимними каникулами.

Амандина как-то очень уж напряженно на меня смотрела. Я прикрылась профессиональной улыбкой. Могла ли она меня узнать?

Перед самым переездом в Мю-роль я постриглась. Как всегда во время приема пациентов, на мне были очки, она меня никогда в очках не видела. С чего бы ей пришло в голову, что новый врач – та самая женщина, которая полгода назад мелькала перед ней на пляже в Сен-Жан-де-Люз, тем более что сама Амандина тогда, как правило, была погружена в свои журналы.

– Я вам прямо скажу, – продолжила Амандина, – я не очень, как бы это сказать, в ладах с медициной, лекарствами, лабораториями, вакцинами и всяким таким. Я предпочитаю лечить Тома сама. Понимаете, что я имею в виду? Профилактика, здравый смысл, природные средства.

Какое облегчение – ее недоверие относилось не ко мне, а к медицинской системе в целом. У молодых мам такое встречалось все чаще и чаще, я привыкла. Самолечение. Две-три книги по специальности, сайт в интернете, несколько форумов – и им кажется, будто за плечами три года интернатуры.

– Что ж, вы, по крайней мере, говорите напрямик.

Амандина улыбнулась мне в ответ: все в порядке, сейчас она получит свою бумажку, встанет и уйдет.

– Но и я скажу напрямик...

Улыбка на ее лице тотчас погасла. Том по-прежнему глаз не сводил с конфет.

– Я не могу выдать вам справку, не осмотрев вашего сына. Простите, но это невозможно.

Я постаралась найти верную пропорцию любезности и твердости. Амандина насупилась. Способна ли она взять Тома за руку и увести? Я решила снова обратиться прямо к нему:

– Я не сделаю тебе больно, малыш, просто осмотрю.

И направилась к мальчику, показывая тем самым, что обсуждать здесь больше нечего. Амандине явно не хотелось меня к нему подпускать. Материнский инстинкт или ей было что скрывать? Я чувствовала, что она не позволит мне прикоснуться к Тому, тотчас встанет между нами, но внезапно она, сморщившись, схватилась за

живот, сильная боль пригвоздила ее к месту, и Амандина осталась сидеть. Может, это ей нужен врач, а не ее сыну?

– Том никогда не болеет, – с трудом проговорила она. – Он два года не был у врача.

– Вот мы и наверстаем упущенное. Садись на кушетку, я тебя осмотрю.

Мои напор и решимость победили. Для начала я осмотрела горло, уши и нос. И в самом деле, остаточные явления небольшого ларингита, ничего серьезного, воспаление почти прошло. Амандина была права – лекарства Тому не требовались.

– Отлично, малыш. Если хочешь, можешь даже сегодня пойти в школу.

Том широко улыбнулся. Улыбкой Эстебана, моего Маленького принца. Я сознавала, что, глядя на этого мальчика, прикасаясь к нему, осматривая его горло, надавливая ему на грудь, я все глубже спускалась в ад, откуда не выбраться.

Мне казалось, будто я касаюсь кожи Эстебана, вдыхаю его запах...

Но выбора у меня не оставалось, я должна была двигаться дальше. Если мой сын застрял между двух миров, я должна его выволить.

– Посиди пока, малыш, я еще не закончила. Снимешь свитер и майку?

Том стал раздеваться. Амандина промолчала. У нее так сильно болел живот? Или я подавила ее своим авторитетом? Или попросту не было никаких причин возражать против обычного осмотра?

Я ощупала лопатки Тома, его ребра, живот, колени, локти и запястья. Пальцы у меня горели. В голове бушевал неразрешимый конфликт между рассудительным врачом Мадди Либери и безутешной мамой Эстебана. Врач пыталась рассуждать профессионально: я осматривала сотни десятилетних детей, мне известно, что в большинстве своем они сложены одинаково, у них примерно одинаковый рост и вес, с разницей в несколько сантиметров и килограммов, та же худенькая фигурка, те же тонкие и резвые ноги, те же тощие бицепсы, которые можно обхватить

двумя пальцами. И все же мама Эстебана не сдавалась: руки все помнят, я узнаю тело своего ребенка.

– Отлично, милый. Ложись. Не пугайся, я немного приспущу твои штаны.

Я расстегнула ремень, первую пуговицу – и на этот раз Амандина встрепенулась:

– Что это вы с ним делаете?

– Ничего особенного. Проверяю его половое созревание.

– Тому десять лет.

– Вот именно.

Амандина не посмела со мной спорить. Наверное, читала на медицинских сайтах, по которым шастала, про случаи раннего полового созревания, про мальчиков, которые становятся маленькими мужчинами. И я продолжила.

Расстегнула оставшиеся пуговицы. Приспустила джинсы и чуть-чуть, на пару сантиметров, синие трусы.

И моя рука окаменела.

Это невозможно! Совершенно невозможно, логически и с медицинской точки зрения невозможно!

И все же я знала – еще до того, как начала осматривать Тома, знала, что она там окажется.

В укромном, теплом местечке.

Улика, которую можно спрятать, но нельзя уничтожить.

Четко очерченная ангиома в форме капли, будто справа к паху Тома стекала темная слеза. В точности как у Эстебана.

Его родимое пятно.

Отметина, подделать которую невозможно.

Том продолжал лежать – я не предложила ему встать и одеться.

И уже ни в чем не была уверена.

Я могла допустить физическое сходство, могла допустить появление мальчика в таких же шортах на том же пляже – но это

пятно? Как поверить, что это дело случая, великой генетической лотереи?

Может, я сошла с ума? А это галлюцинация?

Я продолжала осторожно ощупывать темную отметину. Рядом со мной Амандина нетерпеливо ждала окончания осмотра. Я с трудом удержалась, чтобы не забросать ее вопросами. Кто отец Тома? Откуда у него взялись шорты цвета индиго? Почему она решила поехать в Сен-Жан-де-Люз? Должно же существовать объяснение...

И как только Амандина подалась вперед, явно собираясь заявить, что осмотр закончен, я задала единственный вопрос, какой могла задать, не выдав себя. Чуть ниже приспустив трусы Тома и сдерживая дрожь в пальцах, я спросила:

– Когда у него появилось это родимое пятно?

– А вы как думаете, если это родимое пятно? При рождении, должно быть?

Амандина снова уставилась на меня с недоверием. Преимущество было на ее стороне. Зачем только я ляпнула такую глупость? Мне надо было потянуть время, чтобы внимательно рассмотреть отметину. Надо было придумать еще какой-нибудь вопрос. Я снова потрогала ангиому и сдвинула брови, словно была обеспокоена. Если присмотреться получше, пятно было не совсем таким, как у Эстебана, чуть светлее, чуть меньше, – но я знала, что ангиомы, особенно детские, изменяются, а в восьмидесяти процентах случаев и вовсе со временем исчезают.

Я касалась кончиками пальцев теплой кожи Тома. Мальчик не шевелился. Такой же послушный и серьезный, как Эстебан. За всем наблюдает, все анализирует, ни с кем не делаясь своими мыслями.

Допустим, темное пятно могло быть следом давнего ожога, но кто и зачем стал бы уродовать мальчика именно в этом месте? Однако это бредовое предположение, по крайней мере, подсказало мне новый вопрос.

– Вы уверены, что это не след ожога?

Амандина повысила голос:

– На что вы намекаете?! Что с моим сыном мог произойти несчастный случай, а я ничего не знала?

Она вскочила, бесцеремонно меня отодвинула и скомандовала:

– Хватит, Том, можешь одеваться.

Амандина вскочила слишком резко и снова схватилась за живот, будто ее ударили. Пытаясь отдышаться, она привалилась к краю стола.

– Вам плохо, мадам Фонтен?

Она не ответила. Ее терзали боль, смущение и злость одновременно. Воспользовавшись этим, я повернулась к Тому:

– А ты что скажешь про это пятно?

Взгляд мальчика заметался между мной и матерью.

– Я... Оно всегда у меня было.

– Ты не помнишь никакого несчастного случая? Ожог, что-то такое, из-за чего тебе было очень больно? Возможно, когда ты был совсем маленьким?

– Нет. Нет...

Отдышавшись, Амандина рявкнула:

– Доктор, что вы пристали? У нас здесь не принято совать нос в чужую жизнь! Мы с Томом привыкли со всем справляться сами. Мне не требуются советы, особенно когда речь идет о моем здоровье и здоровье моего сына. Может быть, я читаю даже больше медицинских журналов, чем вы.

Может быть...

* * *

Том оделся. Когда он шел к двери мимо меня, я, не удержавшись, потрепала его по волосам. И снова меня захлестнули чувства – такую вспышку счастья я испытывала всякий раз, когда Эстебан ластился ко мне.

– До скорого, малыш.

Амандина смотрела на меня в упор:

– Сколько я вам должна?

И тут ее снова скрутила боль в животе, чего она, при всей своей гордыне, скрыть не смогла. Она села, вытащила бумажник.

– Доктор... – робко подал голос Том. – Доктор, а мне можно будет на каникулах ходить в бассейн?

Ну да, конечно – пляж в Сен-Жан-де-Люз, как же я могла забыть, Том отлично плавает. Как и Эстебан, который все зимние каникулы проводил в бассейне, а летние – на море.

– Да, милый. Ты уже выздоровел, все в порядке. – Я повернулась к его матери как раз в тот момент, когда она протягивала мне деньги. – Зато с вами, мадам Фонтен, не все. Позвольте мне вас осмотреть. Я не возьму дополнительной платы, и...

– Доктор, не в обиду вам будь сказано, занимайтесь своими делами!

Пока я отсчитывала сдачу, в кабинете стояло тягостное молчание. Том все поглядывал на конфеты у меня на столе. Не запретит же мне его мать угостить мальчика?

– Хочешь медовый леденец?

Том тут же спрятал руку за спину, попятился, прижался к матери – можно подумать, я предложила ему змеиный яд. В глазах самый настоящий страх.

Чего испугался Том?

Медового леденца?

На меня снова накатили страшные воспоминания.

Могло ли быть совпадением, что Том и Эстебан боялись одного и того же?

Савина Ларош припарковала свой «Рено Колеос» 2008 года выпуска у мюрольской мэрии. Машина была заметна издали – оранжевая, в пятнах ржавчины, замаскированных рекламными наклейками. Несмотря на возраст, она по-прежнему безотказно взлетала на овернские перевалы. Савина Ларош была социальной работницей и в автомобилях не разбиралась, но владелец мюрольской станции техобслуживания любовно ухаживал за ее стареньким «Колеосом». Славный дядька этот Жиль Тазена, хотя и содрал с нее триста евро за зимнюю резину, которая в этом году, скорее всего, не нужна.

Перед тем как войти в мэрию, Савина помедлила, любясь пейзажем. Деревня Мюроль будто свернулась клубком. Высокие дома беззащитно жались друг к дружке, укрывшись под шиферными крышами и опершись на гранитные дверные проемы и оконные рамы. Река Куз-Шамбон протекает через всю деревню, и, чтобы защитить Мюроль от паводков, улицы и мосты превратили в укрепления. Здание мэрии стояло в безопасном месте, наверху, и было построено из прочного черного лавового камня.

Савина знала наизусть эту деревню, эти мягкие очертания холмов, и все же каждое утро сердце замирало, когда она вот так останавливалась оглядеть знакомый вид. Ей не хотелось бы жить ни на равнине, ни среди высоких гор, которые держат тебя в заточении. Ей нравились открытые пространства, когда горизонт перескакивает с холма на холм, словно Господь забавляется оригами, складывая много раз лист бумаги. Савина свое дело знала, для нее не была секретом сельская нищета, скрытая в тишине хуторов, за стенами ферм, за запертыми ставнями, за фасадами, которые никогда не обновляли. Здесь у нее было много, очень много работы. Но при всей бедности, с которой Савина сталкивалась в прилепившихся к

склонам вулканов деревнях, нищета на свежем воздухе выглядела не так тягостно.

* * *

– Всем привет! – воскликнула она, распахнув дверь мэрии. – Надо же, какое солнце, прямо-таки весеннее!

«Все» оказались единственным служащим, которого оставили в обеденное время дежурить.

– Что, Нектер, все тебя бросили? Ушли купаться в речке?

Нектер Патюрен – секретарь мэрии, ответственный за печати, формуляры и фотокопии. Говорят, до того, как приземлиться здесь, он был полицейским в Клермоне. Савине он очень нравился, хотя был полной ее противоположностью: вялый, меланхоличный пессимист. Старше, чем она, хорошо за сорок, но с возрастом они пришли к одному и тому же – упорно отстаивали право не вступать в брак, не скрывали седину и ждали пенсии, до которой было еще далеко.

– По мне, лучше бы они там на коньках катались, – ответил Нектер. – Такая теплынь зимой – это ненормально.

– Да, знаю, времена года перепутались, но в этом есть и хорошее. Внимание... Абра-кадабра! – И Савина с видом фокусника вытащила из-за спины букет желтых нарциссов. – Первые в этом году. Загадывай желание. Собрала их у водопадов Шилоза.

Секретарь мэрии растерянно смотрел на февральские нарциссы. Выглядел он так, будто услышал, что проснулись овернские вулканы.

– Погоди, это еще не все, на деревьях уже плоды созрели.

Секретарь мэрии едва не свалился со своего стула на колесиках.

– Абра-кадабра-кадабра!

Еще один фокус. На этот раз Савина вытащила из рюкзака пакет с мандаринами, обернутыми в полупрозрачные бумажки.

– Тоже у водопадов собраны? – спросил Нектер.

– Само собой! Во всяком случае, старуха Шомей на рынке в Бессе мне в этом поклялась!

Савина выложила мандарины на свой стол, между пластиковым динозавром Казимиром, плюшевой куколкой Барботиной и чашкой с эмблемой клуба «Нью-Йорк Никс». Она явно предпочитала оранжевый всем прочим цветам.

Нектер – его стол был напротив – уставился на мандарины, впился в них глазами, как гадалка в свой хрустальный шар.

– Видишь ли, – начал он, – люди делятся на две группы...

Излюбленная фраза Нектера Патюрена. По его мнению, в каждой из мелочей повседневной жизни таился глубокий смысл, и каждая указывала на глубокую трещину, расколовшую мир надвое. Нектер был флегматичным философом-пессимистом.

– Одни покупают мандарины в бумажках, другие – без.

Савина широко раскрыла глаза и тоже уставилась на пакет с мандаринами.

– Ну да... Надо же!

Нектер запустил пальцы в спутанные волосы, перевел взгляд на окно и ждал, пока его посетит вдохновение. Небо над Овернью сияло ровной синевой, как будто ни одному облачку не удавалось зацепиться за округлые вершины. В Нектере не было ничего от жеребца, пришпоренного стремительно надвигающимся пятидесятилетием, он больше напоминал тяжело ступающего коня-работягу, но с глазами ребенка, который старается разгадать все тайны окружающей его жизни, и перед этим взглядом невозможно было устоять.

– Первые, – сказал он, – те, что покупают мандарины, завернутые в бумажки, по природе своей доверчивы. У них нет потребности проверять, не гнилой ли под бумажкой мандарин. Они считают, что риск невелик, во всяком случае, недостаточно значителен для того, чтобы проявлять недоверие. Да они вообще не задаются вопросом, почему одни мандарины в обертке, а другие – без. В крайнем случае находят, что завернутые красивее. Им нравятся проявления

непредсказуемости и фантазии, они видят в этом уважение к их собственному желанию свободы. Проще говоря, они оптимисты. Как ты, Савина.

Савина наградила его улыбкой.

– А другие?

– Другие прагматики. Доверяют лишь собственному суждению. Пропускают все через фильтр собственных соображений. Своей системы ценностей, если тебе так больше нравится. В общем, полные подозрений пессимисты. Как я, Савина! Они, так сказать, осмотрительны.

Савина, тихо и восхищенно присвистнув, нетерпеливо содрала с мандарина обертку.

– Знал бы ты, сколько теряешь! Лучшее, что есть в жизненных сюрпризах, – это подарочная бумага. – Приподнявшись, она протянула мандарин секретарю мэрии. – Можешь убедиться, что не подгнил. Хочешь, чтобы я тебе его еще и почистила?

– Спасибо, я сам.

Савина с Нектером, ни слова больше не прибавив, заговорщицки переглянулись. Как два магнита, которые притягиваются противоположными полюсами. И социальная работница поспешила нарушить молчание, пока оно не стало чересчур напряженным:

– А ты мне чай за это заварить? Сыпь туда что хочешь... я не стану проверять, не пытаешься ли ты меня отравить!

* * *

Нектер достал из ящика стола не меньше десятка пакетиков. На каждом написанная от руки этикетка с указанием дня и места сбора. Мелисса, шиповник, можжевельник, боярышник, сосновые шишки, тысячелистник. Пробовать травяные чаи Нектера – местный ритуал. Он сам смешивал их, руководствуясь некими туманными соображениями: погодой за окном и собственным настроением,

степенью усталости или возбуждения (последнее нечасто его охватывало) и даже стадией пищеварительного процесса.

Вооружившись мерной ложечкой, он готовился составить безупречную заварочную смесь, но тут дверь мэрии внезапно распахнулась, ворвался сквозняк и подхватил раскрошившиеся сухие лепестки, Нектер поперхнулся и закашлялся.

В комнату вошел худой невысокий человек лет шестидесяти, с узловатыми, как ствол оливы, мышцами.

– Всем привет. Я на минутку. – Снял с головы велосипедный шлем и повернулся к Савине: – Мне надо с тобой поговорить.

– Говори, Мартен.

– Мне бы... наедине.

Савина была заинтригована. Мартен Сенфуэн – единственный полицейский в коммуне. Несколько лет назад его называли бы сельским полицейским, а сам он предпочел бы какое-нибудь более пышное звание – «командир вулканов», «арвернский стрелок», «горный страж», что-то вроде этого... Но нет так нет. И он четыре десятилетия довольствовался тем, что колесил по дорогам, тропинкам и перевалам на велосипеде, по дорогам – на шоссейном, по тропинкам – на горном. Мартен Сенфуэн был местной знаменитостью, он собрал множество наград на соревнованиях ветеранов от Лиможа до Клермон-Феррана, а теперь готовился к чемпионату Франции и потому вот уже семь недель каждый день накручивал по сотне километров.

– Наедине? – удивилась Савина.

Нектер снова принялся отмерять ингредиенты своего травяного чая.

– Это насчет Амандины Фонтен. – Мартен понизил голос: – И насчет Тома. Странные дела.

– Что случилось? – забеспокоилась Савина.

Социальная работница опекала Амандину и Тома, как и несколько других семей в деревне.

– Пока не знаю. Мне надо кое-что проверить. Мы можем встретиться сегодня вечером? В «Потерне»?

«Потерна» – это бар в Бессе, соседнем городке. В конце дня большинство здешних жителей собиралось там, чтобы прочитать местные новости в газете и обсудить их.

– Хорошо.

– Чаю-то с нами выпьешь? – спросил Нектер.

– В другой раз. Я наметил сегодня до вечера взять четыре перевала подряд. Перепад высот две тысячи метров, и...

Чайник засвистел.

– Да ладно, – перебил Нектер, – это всего лишь специальная смесь Патюрена. Или ты боишься не пройти допинговый контроль?

Мартен Сенфуэн слишком долго раздумывал. Дверь снова открылась, вошли еще три сотрудника мэрии: садовник Ален Сюше по прозвищу Сушняк, бухгалтерша Жеральдина Жюм и ответственный за культуру Удар Бенслиман.

– Тебя-то мне и надо, – обрадовался Бенслиман, – молодежь в Бессе совсем извелась без снега, и им взбрело в голову устраивать рейв-тусовки на Санси. Все зимние каникулы теперь придется отлавливать их.

Савина принесла пять чашек, Жеральдина вытащила из холодильника овернский яблочный пирог с ромом. Мартен Сенфуэн озабоченно взглянул на часы. Если он хочет сгонять на перевал Круа-Сен-Робер, успеть разобраться в этой истории с Амандиной и к семи быть в «Потерне», ему придется приналечь на педали.

Без четверти час.

Машина стояла на маленькой парковке у моего кабинета. Там еще четыре места, и все пустые. Почти все лавки в деревне закрылись на обеденный перерыв. Я залюбовалась пейзажем, с парковки открывался роскошный вид на донжон замка Мюроль. Оставалось только завести двигатель, проехать шесть километров по дороге, петляющей в долине Куз-Шамбон, – и я дома.

Я закрыла глаза.

И тут же увидела родимое пятно. Темное пятно на светлой коже. Оно отпечталось у меня на сетчатке, так бывает, когда слишком долго смотришь на солнце. Чье оно – Тома? Эстебана? Уже и не понять. Они слились в моей памяти.

Я открыла глаза. Метка отпечталась и на небе. А может, это мой мозг затронут, запятнан.

На что я надеялась, перебираясь сюда? Ждала, пока появятся Том и его мать, целыми днями представляла себе мгновение, когда попрошу мальчика раздеться.

Конечно же, я рассчитывала получить доказательство. Я могла себе в этом признаться. Я ждала подтверждения. Я следовала за своей интуицией.

Нет, это не простое сходство.

Нет, эти совпадения не могут быть всего лишь совпадениями.

Здесь что-то другое... Даже если Эстебану сейчас было бы двадцать лет, даже если Том еще не родился, когда пропал Эстебан, даже если...

Я наклонилась, достала из сумки смартфон. На экране три черточки, 4G. И кто-то еще будет утверждать, что во Франции остались уединенные места?

Лихорадочно набрала запрос.

Родимое пятно.

У меня было смутное представление об ангиомах, что-то помнилось из учебника дерматологии, на медицинском факультете им уделяют не слишком много внимания.

Замелькали сайты. Родимые пятна в различные периоды и в разных регионах носили разнообразные названия в зависимости от их формы и цвета: монголоидное пятно, кофейное пятно, винное пятно... По многим вопросам специалисты, похоже, были согласны между собой. Такие отметины встречаются у одного ребенка из десяти, даже чаще. Происхождение их почти всегда остается неясным. Долгое время их объясняли наследственностью, но теперь известно, что это далеко не всегда так. Чаще всего эти пятна с генами не связаны. И что происходит с ними – тоже непонятно. В большинстве случаев они исчезают, когда ребенок вырастает.

Стираются, как воспоминания.

Дома меня ждали, я обещала Габриэлю вернуться к обеду, но я не могла на этом остановиться. Я должна была сделать следующий шаг. Перебраться на другой берег, вот как по этому каменному мосту, который я видела перед собой, – на тот берег, где разуму откроется иное.

Дрожащими пальцами набрала на крохотной клавиатуре:

родимое пятно... реинкарнация.

И одно мгновение, пока мой запрос летел над вулканами, я надеялась, что никакого ответа не будет, никаких ссылок, разве что один-два сайта просветленных или форум с дурацкими разговорами.

Как же я ошибалась...

На экране моего «Самсунга» появились десятки сайтов, больше сотни статей, чаще всего длинных и подробных.

Я вошла в новый мир, о существовании которого и не подозревала, – мир, о котором преподаватели на медицинском факультете не рассказывали.

Я углубилась в пересказ книги «Реинкарнация и биология: вклад в этиологию родимых пятен и врожденных дефектов». Автор, некий Ян Стивенсон, отмечал, что у официальной медицины для этих пятен, появляющихся при рождении и исчезающих, когда заканчивается детство, имеется только одно объяснение – случайность.

Вот только людям случайности не нравятся, они хотят, чтобы у всего было значение. Стивенсон писал, что в различных культурах, для индуистов, буддистов, анимистов, эти пятна имеют вполне определенный смысл: они – свидетельство прошлых жизней.

У меня перехватило горло. Я на секунду подняла глаза. Парковка около моего кабинета была по-прежнему пуста, мне показалось, будто я осталась одна посреди призрачной деревни.

Снова опустила глаза на экран мобильного. Лучше бы на этом и остановиться. Зачем читать все эти статьи, если я не верю в то, что там написано? Зачем обрекать себя на пытку?

Но я продолжала читать, не могла оторваться. Авторы разбирали десятки примеров с мечеными детьми. Речь шла не просто о записанных свидетельствах, от которых легко отмахнуться, но о настоящих биологических анализах, к тому же подкрепленных фотографиями. Пятна, раны, дефекты... и почти всегда врачи, которые занимались этими случаями, приходили к одному и тому же выводу.

Я кусала губы, а глаза помимо моей воли читали дальше, приближались к истине.

Отметины появляются на месте прежних ран.

Они указывают, что тот, кто реинкарнировался...

умер...

насильственной смертью.

* * *

Я приближалась к «Шодфурской мельнице». На подъеме за Мюролем мне никто не встретился. Дорога петляла, я вцепилась в руль, чтобы удержаться на крутых поворотах жизни, я была взволнована, потрясена, но полна решимости.

Я не желаю верить в эти истории!

Не желаю, пусть и не могу отрицать очевидное: я видела на теле Тома отметину, похожую на ту, что была у Эстебана.

Я поставила машину на гигантской парковке «Мельницы», большую часть которой уже отвоевали растения.

Я не желаю верить в эти истории!

Поверить – значит допустить ту чудовищную возможность, которую я все эти годы изо всех сил от себя гнала.

Я шла к дому, невольно виляя, как будто ноги отказывались идти по прямой, старались куда-нибудь свернуть, взобраться на горку, заскользить вниз. Стоп... Надо встряхнуться и собраться.

Передо мной была «Шодфурская мельница». Вытянутое длинное здание, двести пятьдесят метров, с большим ресторанным залом, со стеклянной стеной, с панорамным видом на склоны Мон-Дора и долину Шодфур.

«Мельница» была одной из пяти гостиниц, которые открыли здесь в 1970-х, когда горнолыжная станция Шамбон-де-Неж с десятком подъемников и двадцатью километрами спусков считалась одной из самых процветающих в Оверни. Но потом глобальное потепление прикончило станцию, несмотря на установку снежных пушек и создание высокогорных трасс. Двадцать лет назад «Шодфурская мельница» закрылась. От нее остался лишь призрачный город, декорация к вестерну, одна из деревень, опустевших после золотой лихорадки, когда жилу забросили, – огромная парковка, пустые комнаты, торчащие посреди леса опоры, широкие просеки.

Мне удалось купить «Шодфурскую мельницу» за треть цены. Слишком далеко от спусков, слишком далеко от магазинов, слишком далеко от всего. Но я с первого взгляда влюбилась в эту бывшую

гостиницу с ее толстыми стенами, способными выдержать ядерный взрыв, с ее элегантным стеклянным холлом, с огромным камином в столовой, с обшитыми деревом коридорами на втором этаже и рядами номеров.

Настоящий дворец.

Дом из волшебной сказки.

Слишком большой для меня.

* * *

– Габриэль! Габриэль, ты здесь?

Наружная дверь не была заперта. Габриэль не ушел бы, оставив все нараспашку.

– Габриэль?

Конечно же, он здесь, сидит с наушниками в одном из номеров, скорее всего – в наших апартаментах, откуда открывается самый красивый вид на Шодфурскую долину, на водопад и на странной формы вулканический пик, похожий на зуб.

– Габи, я пришла!

Я заглянула в кухню. В раковине одинокий стакан, из сушилки торчит нож, на столе начатый багет, крошки и местная газета, раскрытая на странице с телепрограммой.

Я вздохнула, сложила газету, убрала багет в хлебницу, смахнула крошки в ладонь. Чувство одиночества накатило на меня, когда я меньше всего этого ждала. Невольно вспомнился наш последний разговор с Ваяном в его кабинете в Гавре полгода назад:

– Уверены ли вы, что Габриэль согласится все бросить и последовать за вами?

– Не согласится – тем хуже для него, я своего решения не изменю. Я женщина решительная... и свободная!

Вечная дилемма. Была бы я более счастливой, если бы жила одна? Наверное, лучше не спрашивать себя об этом.

По некрашеной сосновой лестнице я поднялась на второй этаж. На стенах так и остались выцветшие фотографии заснеженной станции: поблекшие куртки с капюшонами, пестрые свитеры под комбинезонами на лямках, шерстяные шлемы, сапоги-луноходы, фигуры школьников на каникулах, зеленая трасса с подъемниками, деревянные санки, снежки.

– Габриэль! Ты у себя?

Габриэль сразу согласился перебраться в Овернь. Уговаривать не пришлось. Он даже пошутил: «Погоды хуже, чем в Нормандии, там точно не будет». Ничего не стал обсуждать и легко смирился с переездом. Может, ему все равно? Сен-Жан-де-Люз, Этрета, Мюроль – какая разница, лишь бы он мог делать что хочет, то есть почти все время проводить перед монитором, ссылаясь на то, что в интернете он, как теперь принято говорить, углубляет свои компетенции в различных областях, прокачивает навыки, оценивает потребности, ищет свой путь, а главное – хорошие проекты... И разумеется, никогда ничего не находит. Деньги не проблема, я много зарабатываю, на двоих хватает, и он это понял. Мне надо всего лишь... чтобы кто-то был рядом?

Я толкнула дверь его комнаты. Габриэль спал.

Никто не выясняет отношения с котом, который целыми днями дремлет, никто не требует от него, чтобы он работал, просто радуешься, вернувшись домой, что он здесь, соскучился и встречает тебя в хорошем настроении, веселый и игривый.

Скрипнувший под ногами паркет разбудил Габриэля. Он открыл глаза, потянулся, ногой откинул простыни. Я увидела его гладкий торс и плоский живот.

– Полежишь со мной? – сонно пробормотал он.

– Ты так и не вставал?

– Я не очень хорошо себя чувствую. Посмотришь меня?

Диагностика на скорую руку. Потрогала лоб – есть небольшая температура. Нос заложен. Влажный кашель. Горы ему не на пользу.

С тех пор как мы приехали, он не вылезал из простуд и бронхитов. Я оставляла на тумбочке запас лекарств и выдавала точные предписания. Вернувшись, проверяла, все ли он принял. Настоящая мамочка.

Воспользовавшись тем, что я наклонилась к нему, он попытался задержать меня.

– Ну побудь хоть пять минут.

– У меня нет времени. Меньше часа на то, чтобы поесть, и снова на работу.

Разочарованный Габриэль скорчил недовольную гримасу.

– Потом поем. Я поздно завтракал.

На тумбочке, среди таблеток и флаконов, я заметила включенный планшет. Наверное, опять все утро играл в какую-нибудь дурацкую игру или торчал на сайтах купли-продажи, где каждому внушают, будто можно в два счета стать торговым посредником.

Вздыхнув, поцеловала его и направилась к двери. Мне не хотелось с ним ссориться. Только не сегодня. Мне хватало других забот. *Никогда не давать никаких обещаний. И никогда их не требовать.* Габриэль вел себя как истинный подросток. Но мне, возможно, попросту не надо было, чтобы он повзрослел, стал серьезным, скучным, предсказуемым, уверенным в себе, независимым, грустным и вымотанным, как все мужчины, придавленные грузом своих обязанностей. Я предпочитала держать дома хрупкую и слабую птичку, даже если жители Мюроля, так редко видевшие Габриэля, могли в конце концов решить, будто я – одинокая и неуживчивая старая дева, заживо похоронившая себя в этой долине. Приманка для всех здешних альфонсов.

– Уже уходишь?

– К сожалению, у меня пациенты до самого вечера... Звони мне, если что.

– Ладно, иди работай.

И Габриэль снова уснул, даже не укрывшись простыней, а я пошла к лестнице.

Я ему соврала. Следующий пациент у меня был записан только на 13:45. А есть мне тоже не хотелось.

* * *

Я поставила машину на давно опустевшей парковке станции Шамбон-де-Неж, у подножия подъемника на гору Жюмель. Теперь здесь буйно цвели подснежники. Сотни белых цветочков – как будто природа развлекалась, создавая иллюзию снежных хлопьев. Ниже лежала деревушка Фруадефон, по прямой три километра, если не петлять вместе с дорогой Д36.

Я свернула на дорожку вдоль реки и пошла через тенистый подлесок, стараясь держаться подальше от колючих кустов и хватаясь за самые близкие к берегу ветки. Вода в реке почти не поднялась, можно было перебраться через нее по камням, не замочив ног. На вершинах не было снегов, которые обычно ее питают до конца зимы. Сиротский ручеек, которому легко преградить путь, устроив запруды из трех булыжников.

Однако возле деревушки над речкой перекинут широкий каменный мост. Всего одна арка, но величественная, на фоне десятка домов с черными гранитными стенами и закрытыми ставнями, прачечной, источника и двух ферм чуть ниже, справа и слева от дороги.

Одна из них – ферма Амандины. Вернее, раньше там была ферма. От нее остался двухэтажный дом с облупившимися саманными стенами и пустой сарай с дырявой крышей – плохо закрепленный кусок драного пластика хлопал на ветру, ни от чего не защищая. Еще там были засыпанный колодец, каменная скамья с прислоненным к ней велосипедом, перекрученная сетка на четырех колышках вокруг крохотного огородика, валялись несколько ржавых лемехов. Среди всего этого бегали куры, за которыми с подоконников следили тощие кошки.

Прежде я проезжала эту деревушку, не останавливаясь, лишь мельком бросив взгляд на ферму. Пусть первый шаг сделает Амандина Фонтен. Дется ей некуда – в долине нет других врачей, кроме меня. А мне нужен повод навещать ее. Стать ее семейным врачом, который приезжает запросто и входит без стука. Расспрашивает и высматривает, потому что беспокоится о здоровье мальчика.

Даже если Амандина мне не доверяла, она сама ко мне пришла. И попалась в ловушку.

* * *

13:20

Я дошла до источника в дальнем конце деревушки. Никем не замеченная – во всяком случае, я на это надеялась, хотя кто угодно мог меня увидеть сквозь щели разошедшихся дверей или из чердачного окошка. Трудно было определить, покинута ли деревня жителями или ее, напротив, камень за камнем восстанавливают дачники, приезжающие только на лето.

Если немного пригнуться, можно укрыться за источником, он достаточно высок. У воды, вытекавшей из медной трубы и наполнявшей чашу, был странный красноватый оттенок. В краю вулканов это не редкость. В воде, наверное, много железа, это считается полезным для пищеварения, но мне противно было смотреть на покрытые ржавчиной стенки гранитной чаши и застоявшуюся на дне лужицу. Вы уж извините, традиции традициями, а мне потом приходится выписывать пациентам таблетки от желудочных расстройств.

С моего места были видны двор фермы, по которому бродили куры, и входная дверь. Ждать пришлось всего несколько минут, вскоре дверь открылась и появилась Амандина. Я следила, как она идет к огороду, приподнимает пленку, которой накрыты грядки, и,

надергав зелени, с трудом распрямляется. Она опять, как в моем кабинете, держалась за живот, но теперь ее еще сотрясал сухой кашель. Амандина быстро вернулась в дом, не закрыв за собой дверь.

Двором снова безраздельно завладели куры.

Я продолжала тупо ждать неизвестно чего, глядя на птиц. Было неловко. А вдруг меня кто-то заметил? Я, конечно, всегда могла бы сказать, что навещаю Амандину и Тома, что я беспокоюсь за свою пациентку, но...

И тут послышались три ноты. Все время одни и те же.

Соль ми фа соль ми фа соль ми фа

Неверные, фальшивые, терзавшие слух.

Казалось, назойливый мотив приближался, он звучал все громче, но несколько не чище, еще сильнее резал уши. И наконец появился Том. Так вот кто играл! Он направился к скамье посреди двора. Мальчик выглядел таким одиноким, и у него был странно тревожный взгляд – как будто его сбросили в этот двор, как будто он упал с луны или с ракеты и его пугает каждая мелочь... Эстебан смотрел таким же отсутствующим взглядом – казалось, он различал за окном далекую планету, доступную лишь истинным артистам. Но Эстебан был любимым ребенком, окруженным заботой и вниманием. Я прислушивалась к нему, замечала его способности. А Том казался... заброшенным.

Отодвинув прислоненный к скамейке велосипед, он устроился на ней среди квохчущих кур. Я старалась удерживаться от поспешных суждений. Не было никаких оснований предполагать, что с Томом плохо обращаются или что Амандина его не любит. То, что он жил на обветшалой ферме или что мать лечила его сама, вовсе не значило, что его жизнь в опасности.

Соль ми фа соль ми фа соль ми фа

Я наконец распознала аккорды вступления к *Wonderwall*^[3].

Тому предстоит еще немало потрудиться. Талантом, по крайней мере, он сильно уступает Эстебану... На мгновение это меня

успокоило, но я тут же спохватилась: Том явно не бывал ни на одном уроке сольфеджио, на ферму точно не приходил учитель музыки, да и вообще – держал ли Том когда-нибудь в руках гитару?

Я прищурилась. Испарения пузырящейся красной воды источника раздражали кожу лица – во всяком случае, мне так казалось. Что-то похожее чувствуешь, если слишком долго сидишь над тлеющими углями костра.

Мне наконец удалось разглядеть инструмент, на котором Том пытался играть.

Он просто подобрал гибкую ветку, стянул ее концы веревкой так, что получилось нечто вроде лука с короткой тетивой, а потом между веткой и веревкой натянул шесть ниточек.

Самодельная гитара. Или, вернее, арфа. А еще точнее...

Лира.

Я закашлялась, рискуя себя выдать.

Лира?

Но нет, это лишь мое воображение превратило согнутую ветку и шесть ниток в подобие античного инструмента богов.

Наверняка мне это почудилось просто потому... потому что Эстебан любил этот инструмент.

Лира-гитара, которую он так и не получил в подарок на день рождения.

Я испугалась – может, я совсем уже схожу с ума и все, что бы ни сделал, что бы ни сказал Том, будет возвращать меня к поступкам и словам Эстебана?

Чуть ли не каждый мальчик тербит струны гитары.

Вот именно – гитары...

Но лиры?

– Тебе пора! – внезапно раздался голос из так и не закрытой двери.

На пороге появилась Амандина с книгой в руках.

Том положил свой инструмент на скамейку, оседлал велосипед.

Мать ничего не сказала ему на прощанье, не пожелала удачи. Даже не переглянулась с ним. Стояла и смотрела ему вслед, улыбаясь так, будто радовалась, что наконец от него отделалась.

Я знала, что не должна так думать. Что невозможно истолковать улыбку, взгляд, жест, а тем более – их отсутствие.

13:25

Я снова увидела Тома, он катил вниз, уже три петли дороги были позади. До школы в Мюроле ему оставалось ехать не больше пяти минут. За это время мне не успеть вернуться к машине, завести ее, снова припарковаться... Расписание во второй половине дня у меня было плотное, но я могла освободиться к концу уроков, а от моего кабинета до школы нет и сотни метров.

Дверь закрылась. Амандина меня не заметила. Я в последний раз окинула взглядом долину. Велосипед Тома уже скрылся за поворотом, ведущим к Мюролю.

Мартен Сенфуэн решил повысить передачу еще на одно деление. 52/11. Дальше некуда. Он уже много лет так не гонял. Скорость от 48 до 51 километра в час. На обманчиво ровной площадке кемпинга это настоящий подвиг, он знал кучу мальчишек из клуба «Мон-Дор», которым нелегко было бы за ним угнаться. И он надал еще.

53 километра в час.

Он сосредоточился на белых полосах шоссе, голова пригнута, тело вытянуто, как скоростной поезд, встречный ветер скользил по нему, так и казалось, что ветер его подхватывает и несет.

Мартен приподнялся на педалях и выжал из машины еще немного. Ему надо было разогнаться по максимуму, перед тем как приступить к последнему испытанию – перевалу Круа-Сен-Робер. Четвертый и последний подъем на сегодня.

Он только что взял один за другим перевалы Банн-д'Орданш, Роше-де-л'Эгль и Круа-Моран, это километров двадцать по подъемам и почти полторы тысячи метров перепада высот. Но лучшее он приберег под конец – самый высокий перевал Оверни, 1451 метр, и вольный ветер, ни одного дерева, чтобы укрыться. Конечно, это не Венту и не Турмале, но чередование пиков ничем не хуже. Он любил эти резкие, быстрые подъемы, длинные петли спусков в другие долины – и сразу же новый перевал.

Особенно сегодня. Ноги – просто огонь! Что на него так подействовало – пирог с ромом или травяной чай? Если он продержится в таком темпе до вершины, перед ветеранским чемпионатом Франции попросит Нектера заготовить целую бочку этого зелья.

Ну, поехали – впереди подъем, десять километров и сорок три виража!

Сколько раз он его одолевал? Он знал, что не надо слишком гнать поначалу, первые километры – самые крутые. Вспомнил Бернара

Ино – в 1978 году тот расписался на его бейсболке в Бессе, в начале этапа, а победа тогда досталась этому лузеру Юпу Зетемельку. Кто бы мог подумать, что несколько дней спустя, в Альпах, он выиграет первую свою гонку «Тур де Франс»?

Да, Бернар, овернские перевалы надо уметь укрощать!

Пять делений в обратную сторону. Мартен перешел на 52/17. Только не вставать на педалях, не сейчас, рано ехать стоя, раскачиваясь вправо-влево, еще километр крутого, но ровного подъема. Надо приберечь силы на петли.

Сердце тоже разогналось. 29 километров в час, никогда он так быстро не ехал на этом участке, и ему казалось, что он может еще прибавить скорость. Что он обгонит любого чемпиона! Он лишь на мгновение поднял голову, чтобы полюбоваться линией хребта, зеленой линией без скал и ледников.

Мысли улетели в прошлое. Ему восемь лет, и он помешан на велогонках. Все лето он слушал репортажи с этапов по радио, но сегодня «Тур де Франс» проходит через его края. 12 июля 1964 года – он здесь, на одном из виражей овернского исполина, он это видит и не забудет никогда! Пулидор обгоняет, метр за метром отрывается от великого Анкетиля^[4], и нормандец, собрав последние силы, сокращает разрыв – всего на четырнадцать секунд. В тот день Мартен понял, кем он хочет быть: Пупу – или никем!

Первая петля, первое ускорение, всего двадцать метров, только чтобы набрать темп.

Жизнь решила по-другому. Судьба. Он не станет Пупу, он никем не станет. Будет как все. Всего лишь воскресный гонщик в ожидании пенсии, когда сможет быть гонщиком и с понедельника по субботу тоже.

Перед ним был Мон-Дор, за облезлыми вершинами вулканов, которые предстояло обогнуть. Он впервые поднимался на перевал Круа-Сен-Робер зимой. Никогда, за всю свою жизнь, он не видел, чтобы там было так мало снега. В другие годы разве что с шипованной резиной...

Мартен слегка расстегнул молнию. Прямо как летом!

Пупу – или никем...

Два года назад он мог бы стать чемпионом Франции среди ветеранов, если бы так глупо не пропустил вперед ту парочку из Бордо. Он тогда был недостаточно тренированным. Но сегодня... Надо выложиться полностью, начиная с шестнадцатой петли. Уклон не больше 5,7 %, хорошая траектория – может, у него получится удержаться на скорости не меньше 25 километров в час. А может, даже и 28. Никогда еще ноги так легко не ходили.

Что же такое Нектер мог подсыпать в свой чай?

Мартен развеселился от того, что так летел. Он понимал, что ему не стать великим гонщиком, он всего-навсего любитель, но это не мешало мечтать о минутах славы, о победе – хоть раз вскинуть руки на вершине, получить букет победителя...

Перед тем как атаковать последние десять петель, Мартен бросил взгляд на Пюи-де-Дом. Никогда он не будет ни Бернаром Ино, ни Тибо Пино, но он может, по крайней мере, стать Пьером Матиньоном – тот хоть и пришел последним в «Тур де Франс» 1969 года, однако первым тогда достиг вершины самого высокого из вулканов, и сам великий Эдди Меркс^[5] не угнал за ним.

Лучшая из историй «Тур де Франс»!

Осталось всего восемь петель. Они самые трудные.

Ветер бил в лицо. Ледяной ветер. И ни одного дома, за которым можно укрыться, последняя пастушья хижина осталась позади, даже коров не видать.

Мартен снова застегнул молнию.

И все же он чувствовал, что может еще прибавить. Обычно у самой вершины молочная кислота сковывала его ноги от бедра до голени. На этот раз они все еще крутились легко, как стрелки «ролекса», хотя сердце колотилось все сильнее.

До вершины оставалось всего триста метров. А потом – весь спуск, на котором можно отдохнуть, отдышаться, успокоить пульс.

Первый кинжал вспорол ему грудь. Первое предупреждение.

Мартен огляделся. Никого. Спешиться сейчас – глупее не придумаешь.

Он ограничился тем, что стал чуть меньше налегать на педали, чуть понизил передачу и поморщился, пожалев об этом.

Скорость теперь снизилась почти до 10 километров в час, и он представил себе, как во время гонки плотная группа обошла бы его перед самой вершиной, а он смотрел бы ей вслед.

Осталась всего-навсего сотня метров.

В сердце впился второй кинжал. От боли Мартен едва удержался на седле и все же чудом выправился, виляя покатыл дальше, не понимая, что с ним происходит. Теперь он еле двигался, почти не жал на педали, только чтобы не упасть, старался дышать медленно, ровно, вот преодолет вершину – и останется только скользить вниз.

Еще один метр.

Третье лезвие – и онемевшие руки выпустили руль. Велосипед повалился набок, у Мартена не хватило сил даже на то, чтобы высвободить ноги из захватов на педалях. Шлем и рама с оглушительным грохотом ударились об асфальт.

Мартен этого уже не слышал. У него не было сил говорить, не было сил подняться, не было сил вытащить телефон из сумки. Он знал, что здесь, на вершине, никто ему не поможет.

Он знал, что сейчас умрет.

Его сердце уже почти заглохло. Он почти перестал дышать.

Что было в этом проклятом чае?

Выиграл бы он ветеранский чемпионат?

Получил бы свой букет?

Это была его последняя мысль.

Получит ли он свой букет на вершине? Маленький крест, украшенный цветами. И короткая надпись.

Мартен Сенфуэн.

Не Пуну и никто.

III. Явление *Пуаро*

9

Терраса мэрии была залита ярким солнцем. От нагретого лавового камня шел жар, как от печки. Еще немного – и можно будет вытаскивать шезлонги и раскрывать пляжные зонты. Савина вышла покурить и заодно полюбоваться видом на колокольню церкви Сен-Ферреоль, развалины замка и школьный двор. Она упивалась запахами хвои и жимолости, ее убаюкивали редкие долетавшие до нее звуки: зеленый дятел долбил клювом соседнее дерево, где-то далеко в лесу гудела бензопила, за каким-то окном играло радио...

И вдруг всю дремотную сладость медленно текущего полуденного часа разом смело. Сначала раздался звонок – нечто среднее между пожарной сиреной и церковным колоколом, следом – топот конницы, пятьдесят двуногих пони галопом понеслись со школьного двора: ранцы за спиной, пальто нараспашку, шарфы вразлет, звонкий смех.

Уроки закончились!

Для деревни это час ежедневного выплеска адреналина – час, когда по улицам, мимо как попало припаркованных машин, мчатся дети.

– Нектер, иди сюда, посмотри.

Савина не закрыла за собой входную дверь. До школы нет и пятидесяти метров, и к мэрии, вопя и хохоча, неслась ребятня.

– На что? – откликнулся Нектер.

– Брось ты свои марки, иди сюда!

Секретарь мэрии был в нерешительности. Больше всего на свете он боялся сквозняков. А сейчас приступил к самой деликатной операции: при помощи влажной губки отклеивал марки с конвертов

только что полученных писем и, подхватывая их пинцетом, помещал в кляссер. Сегодня ему достались редкие: Пику-ду-Фогу, Кверкфьоль и Альмолонга, они пополнят его уникальную коллекцию, его гордость, сокровище, которое он решил, уходя на пенсию, завещать мюрольской мэрии: десять альбомов, заполненных марками с изображением вулканов со всего света! Нектер Патюрэн выискивал по всему миру города и поселки на склонах кратеров. Писал туда – и дожидался ответа... с наклеенной маркой.

– Не могу. Все разлетится.

– Шевелись, говорят тебе.

Коллекционер марок с вулканами – редкая разновидность в разветвленной семье филателистов – не спеша накрыл свое последнее приобретение промокашкой и придавил куском базальта, заменявшим ему пресс-папье. «Да что ж он всегда так копается...» – досадовала про себя Савина.

Наконец Нектер Патюрэн вышел на террасу.

– Ну слава богу, – вздохнула социальная работница. – Стой на месте и наблюдай.

Секретарь поглядел на разбегавшихся врассыпную детей. Почти всех он знал. Сын мясника Натан, дальние родственники Жад, Амбр и Энзо, малолетние шалопаи Элиот и Ада – уж за этими надо бы получше приглядывать, – Янис, который прошлым летом чуть не утонул в озере Шамбон...

– Что я должен увидеть?

– Вон там, на стоянке медицинского кабинета.

Нектер прищурился. Машина на парковке. Винно-красного цвета. Довольно элегантная машина, сказал бы он, хотя вообще-то ничего в этом не понимал, маленькая, размером с «Клио» или «Пежо 208». Что за марка? Он присмотрелся. «Альфа Ромео Мито».

– Это машина доктора Либери?

– Ты просто гений! Наклонись и загляни внутрь.

Нектер изогнулся как мог. Ни малейших сомнений, за рулем доктор.

– Ну да, она сидит в машине. И что с того?

– А разве она не должна сейчас принимать пациентов?

– Необязательно. Может, ей надо было уединиться, чтобы послать эсэмэску возлюбленному. Единственная странность, если хочешь знать мое мнение, – то, что она решила заживо похоронить себя здесь. Для своих лет она прекрасно выглядит.

– Спасибо, Нектер, за проявленный такт! – не утерпела Савина.

Секретарь мэрии покраснел и рассыпался в извинениях. Он совсем не это имел в виду. Конечно, в Мюроле женщины тоже красивые, речь не об этом, а собственно, о чем речь? О том, что врачиха сидит одна в машине, когда дети выходят из школы?

– А что тут такого, хочет и сидит, – заключил секретарь, которому не терпелось вернуться к своим филиппинским маркам.

– Я уже давно наблюдаю за ней, – объяснила социальная работница. – Она все время смотрит в зеркало заднего вида. Я не могла понять, что она там высматривает... А теперь знаю.

– И что? Вернее, кого? Отца Яниса? Или Элиота и Нолана? Она западает на спасателей и лыжных тренеров? Ее удивляет, что здесь могут жить красивые мужчины?

– Не валяй дурака. Она шпионит за мальчиком, который вышел из школы. Том, сынишка Амандины Фонтен. Только за ним никто не приходит.

– Ты вообще-то поаккуратнее, она, кажется, вылезает из своей «ламборгини».

Нектер был прав. Они с Савиной едва успели отступить за угол мэрии, оставив после себя легкое облачко сигаретного дыма. Мадди Либери открыла дверцу и, похоже, пряталась за своей машиной. Том был единственным ребенком, оставшимся в школьном дворе. Он стоял около своего велосипеда, вертел головой, размахивал руками, губы его шевелились, как будто он разговаривал с невидимыми детьми.

– И что ты об этом думаешь? – спросила Савина, не сводя глаз с мальчика.

– Что Том всегда был со странностями. У меня такое впечатление, что у него в голове живут несколько человек. Но он мне нравится, и...

– Да я не про Тома, а про докторшу!

Нектер высунулся из-за угла. Конечно же, его седые космы на фоне черного камня совершенно незаметны.

– Ну... она смотрит на Тома... Он ей тоже наверняка нравится.

Савина потянула секретаря назад. Она начинала злиться.

– Нравится? Ты, наверное, шутишь? Ты видел ее глаза? Она смотрит на этого мальчика... как будто это ее сын!

Секретарь, двигаясь со скоростью улитки, исследующей каждую трещинку стены, снова подобрался к углу и покосился на докторшу.

– Ну да... Смотрит как замороженная. И что с того? Она же его не похитит! Она врач. Может, она заметила у Тома какие-то неполадки. Я знаю, что ты опекаешь его маму, Амандину, но она не всегда, как бы это сказать, такая уж...

– Такая уж что?

– Такая уж... заботливая мамочка.

– Можно подумать, ты много в этом понимаешь.

Разговор между Нектером и Савиной уже грозил перерасти в ссору, но в эту минуту на улице, ведущей к мэрии, показалась машина. Она ехала по встречной полосе со скоростью, явно превышающей дозволенные 30 километров в час. Синий фургончик жандармерии остановился посреди улицы, загородив Тома от доктора Либери. Из него выскочили трое жандармов. Один из них, лейтенант Леспинас из бригады Бесса, сказал:

– Савина, Нектер, вернитесь в мэрию и соберите всех сотрудников.

Все быстро зашли в мэрию. Кроме Нектера Патюрена и Савины Ларош, к ним подтянулись Ален Сюше, Жеральдина Жюм, Удар Бенслиман и муниципальные советники Жак Меркер и Сандрина Гули.

Жандармы так спешили, что даже дверь не закрыли за собой.

– Дело в том, что... Мартен... Мартен Сенфуэн... Его нашли на вершине Круа-Сен-Робер. Рядом с его велосипедом. Сердечный приступ. И всё.

Заметив, что дверь мэрии осталась открытой, лейтенант захлопнул ее. Он не хотел, чтобы новость тут же разлетелась по Мюролю.

Габриэль, пожалуйста, не перебивай меня, просто выслушай.

Я только что вернулась домой. Машину поставила перед дверью, двумя колесами заехав на тротуар, хотя вдоль дома тянется пустая стоянка на сотню мест. Кинула сумку и пальто на стул. Налила себе рюмку бенедиктина – память о Нормандии – и завалилась на диван.

Восемь вечера, ужин подождет.

Габриэль сидел ко мне спиной, не отлипая от компьютера. Похоже, всю вторую половину дня трудился. Он самостоятельно совершенствовал свой английский. Целый ряд тестов, чтобы определить свой достигнутый, частично достигнутый или пройденный уровень. По его словам, английский сегодня необходим. Чем меньше тебе хочется выбираться из-под одеяла, тем больше нужен язык, который понимают на всей планете. Удаленная работа – это будущее! Она позволяет одновременно сберечь и планету, и свою частную жизнь. Присмотришь к телемедицине, вот увидишь, даже ты к этому придешь.

Может быть...

Уроки английского его явно утомили, но не настолько, чтобы отвалить от экрана. Он влип в MTW-1 – *My Tidy World One*, – игровой экологический сайт, где каждый игрок действует в виртуальном мире, не загрязняя окружающую среду, может телепортироваться без малейшего расхода энергии, строить хижины из деревьев, которые заново вырастают за ночь, для освещения использовать светлячков и, если захочется, выращивать синие морковки.

Выслушай меня, Габри, выслушай хотя бы сегодня вечером.

Все началось в Сен-Жан-де-Люз, ты был там, Габриэль, все началось с шорт цвета индиго, модель если не редкая, то, согласись, оригинальная – с изображением кита. В крайнем случае я могу поверить, что это была ловушка, которую мне расставили. Понятия не имею, кто мог ее расставить и зачем, но такое возможно, это

логичное предположение. Многие люди знали про эти шорты, десять лет назад про них писали в газетах, везде были расклеены листовки с фотографиями Эстебана, объявления о розыске...

Но как объяснить дальнейшее? И прежде всего – ошеломляющее сходство между Эстебаном и Томом. Двойник? Для этого понадобилось бы из сотен тысяч детей выбрать того, кто больше всех похож на Эстебана, и надеть на него такие же шорты. Полная бессмыслица! А остальное? Это родимое пятно? Кто-то дал объявление: «Ищу где-нибудь на планете ребенка десяти лет с таким же в точности лицом, как на приложенной фотографии, и к тому же с темным пятном у паха»? Бред! Да еще пришлось бы добавить, что мальчик любит музыку, может играть на лире и... и ненавидит мед.

Габриэль, может, мне все это снится? Может, я все это выдумала?

Габриэль?

Габриэль!

И тут я заметила у него в ушах беспроводные наушники телесного цвета, скромные и элегантные. Габи меня не слушал, даже не слышал, как я вошла. Может быть, я живу в доме с привидением? Или, наоборот, это я сама стала фантомом и разговариваю теперь только с теми, кого нет, а для остальных уже не существую?

Я на цыпочках вышла из комнаты. Дошла до наружной двери «Мельницы», открыла. Вечер выдался теплый. Лунный серп освещал неровные вершины, каменным зеркалом поблескивал полумесяц кратера. Где-то в темноте стрекотал сверчок – сбитый с толку, позабывший, что зима еще не закончилась.

Я знала, что мне надо было сделать: позвонить единственному живому человеку, способному меня выслушать. Даже если ему совсем не понравится то, о чем я его спрошу.

Достала телефон, помедлила, но, вспомнив про эгоизм Габриэля, отмела последние доводы совести. Извини, Габи, но у красавца доктора Ваяна Балика Кунинга есть все, чего ты лишен. Он трудолюбивый, внимательный и понимающий. И это несколько не

умалает нежности, которую я к тебе испытываю, да чего там – любви... но мне необходим он!

* * *

– Алло, доктор?

– Мадди! Какой сюрприз! А вы теперь не называете меня Ваяном?

– Называю.

– Ну так расскажите мне про вашу новую жизнь в Оверни.

– Позже, Ваян. Обещаю, я вам напишу. Я... у меня к вам конкретный вопрос.

Ваян не упустил случая поиронизировать:

– Валяйте, спрашивайте. Я так и думал, что вы не к человеку обращаетесь за помощью, а к психотерапевту.

Ваян по-прежнему в меня влюблен или ломает комедию? Не нашел ли он мне замену после моего отъезда? Красивые пациентки не такая уж редкость.

– Ваян, вы решите, что я помешалась, но... мне надо, чтобы вы рассказали мне про реинкарнацию.

Мой собеседник молчал.

– Не то чтобы я в это верила. Ничего подобного, уверяю вас. Мне просто хочется разобраться в основах. И я подумала, что вы должны это знать, потому что вы...

– Родом с Бали, вы это имели в виду? (По тону Ваяна я догадалась, что он обиделся.) По-вашему, если я родом с Бали, значит, непременно индуист? А раз индуист, значит, верю в карму, дхарму и нирвану. Мадди, вам не кажется, что это слишком упрощенный вывод?

Ваян, пожалуйста, не надо, я не хочу сейчас слушать эту песенку франко-балийца, обращенного в рационализм.

– Я просто хочу знать основные принципы, для меня это важно.

– Хорошо, раз вы так настаиваете. Но имейте в виду, что я буду говорить с вами как человек, а не как специалист. Я покинул Бали и стал психиатром именно для того, чтобы уйти от этих верований, или, другими словами – чтобы идти иным путем, не тем, которой был, как считалось, мне предназначен.

– Понимаю. Слушаю вас, Ваян.

– Ваян... – повторил он. – Вот с этого и начнем. Вам известно, что означает это имя?

У меня было несколько предположений, и я не знала, на чем остановиться. Мудрый? Серьезный? Милый? Умный? Красивый? Влюбленный?

– Все балийцы, – продолжал он, не дав мне времени выбрать, – то есть около шести миллионов людей на этой планете, носят одно из пяти имен. Имя Ваян или Путу получает первый ребенок в семье. Второго назовут Кадек, третьего – Ниоман, а четвертого – Кетут.

Я ничем не рисковала:

– Значит, вы были первенцем?

– Даже и этого не было. В семьях, где детей больше четырех, начинают все сначала, и пятого ребенка снова называют Ваян, точнее – Ваян Балик, это можно перевести как «Возвращение к Ваяну», и так далее... И, раз уж я так разоткровенничался, могу вам еще открыть, что мой старший брат Ваян умер за три года до моего рождения, а значит, с точки зрения моих родителей, я – одновременно и я... и он. Я догадываюсь, что такого рода растворение личности нелегко понять, глядя с Запада.

– Да нет... Мне кажется, можно...

Ваян немного помолчал.

– Так вот, Мадди, отвечаю на ваш вопрос. Да, реинкарнация присутствует в повседневной жизни балийцев, как и у всех индуистов и вообще у преобладающего большинства мужчин и женщин, живущих в Азии. Каждый родившийся ребенок несет груз своих прежних жизней. Например, когда я появился на свет, мои родители обратились к медиуму, желая узнать, на кого из своих

предков я похож. У нас на Бали и фамилий нет, родители выбирают их в соответствии с нашими прежними жизнями, от которых будут зависеть наши вкусы, способности и будущая профессия. Помимо того что я разделил имя с умершим старшим братом, за два дня до моего рождения дальний родственник умер от желтухи. «Кунинг» на языке балийцев означает «желтый».

Я не смогла удержаться от смеха. Мне представилось монохромное убранство кабинета Ваяна: желтые ткани, топазовый ковер, диван цвета маиса...

– Извините.

– Не извиняйтесь, мне больше нравится, когда вы смеетесь, чем когда поддаетесь этим суевериям. Заметьте, я их не критикую, они помогают миллиардам людей на земле смириться со смертью. И ничто, совершенно ничто не доказывает, что это неверно. Точно так же, как ничто не доказывает, что это правда.

Я вспомнила статьи про родимые пятна. Еще позавчера вера в реинкарнацию показалась бы мне бредовой, все равно что верить в существование единорогов или источник вечной молодости.

– Что вы об этом думаете, Мадди? – продолжал Ваян. – Надо ли доказывать, что нечто существует, до того, как в это поверить? Или, напротив, считать, что все возможно, поскольку нет доказательств обратного?

Спасибо, Ваян. Эти балийские максимы мне очень помогают.

– Я ничего об этом не думаю. Я такая же, как все европейцы... Реинкарнация – это что-то... нечто, по-моему, далекое от нас.

– Вам так лишь кажется. А по результатам опросов более четверти европейцев верят в реинкарнацию. И идея эта зародилась в европейской колыбели.

Нет, Ваян, мне бы такое и в голову не пришло. До вчерашнего дня я принадлежала скорее к большинству скептиков.

– Теория реинкарнации развивалась в античной Греции, одновременно с демократией или республикой. Платон, Пифагор и многие другие в нее верили. Греков хоронили с золотыми

пластинками, это были своеобразные инструкции, как душе не заблудиться между двумя жизнями. Эту религию называли орфизмом, отсылая к мифу об Орфее.

– Орфей? Этот тот самый, который играл...

– На лире. Гитаре богов, если хотите. Той, что околдовывает стражников ада, чтобы можно было увести любимых в новую жизнь.

Лира!

Том играл на подобии лиры во дворе фермы. Эстебан попросил у меня в подарок на день рождения лиру-гитару. Как он мог узнать, что она означала? От кого он мог это узнать? Зачем бы ему...

– Мадди? Мадди, вы меня слышите? Успокойте меня! Я в Гавре, до вас шестьсот километров, но вы же знаете, меня здесь никто не удерживает. Скажите одно только слово – и я приеду.

Три дня спустя

11

Укромное мюрольское кладбище пряталось от жары в тени елей. От реки веяло прохладой, окрестные поля уже пестрели первоцветами, коровы вышли на пастбища, но вежливо держались в сторонке от церемонии. Казалось, деревенские жители собрались отпраздновать приход весны, возрождение растений, возвращение насекомых и ласточек, а не пришли на похороны.

Все в Мюроле знали Мартена Сенфуэна, и все сегодня были здесь. Мэр, она же глава крупнейшего молочного кооператива в регионе, дала понять, что мне как врачу коммуны нужно присутствовать на церемонии. Услуга за услугу. Недавно она предоставила в мое распоряжение нескольких своих служащих, чтобы они помогли обновить кабинет: Ален-Сушняк обрезал деревья у меня перед окном, Удар Бенслиман составил для меня список культурных мероприятий на весь сезон, Савина Ларош рассказала о социально незащищенных людях, которые больше всего ее заботят, Нектер Патюрен предложил свои услуги на случай, если мне понадобится ставить печати на бумагах или если надо будет выбрать растения для травяных чаев, и, разумеется, Мартен Сенфуэн рассказал мне про местные проблемы, не такие уж мелкие: наркотики, алкоголь, домашнее насилие...

Все считали Мартена хорошим человеком. Не потому ли природа воздавала ему почести, не облачаясь в белое или серое?

Церемония на кладбище тоже получилась яркой, расцвеченной.

Гонзики Арвернского велоклуба пришли в своей официальной синей с золотом форме. Они положили перед могилой два круглых венка, к мраморной плите был прикреплен гранитный руль, разве что гроб не накрыли белым в красный горошек полотнищем^[6]. Мартен Сенфуэн это оценил бы, но кюре не позволил. У Мартена

было чувство юмора и большое сердце. В конце концов оно не выдержало.

Кюре читал молитвы, рядом стояли два мальчика из церковного хора, один держал ведро со святой водой, другой – корзинку для пожертвований. Я знала обоих, это Янис и Энзо, один – астматик, второй – диабетик, те еще подарочки им достались от небес, но они не злопамятны.

На кладбище все встали тесной кучкой, а я держалась в сторонке, догадываясь по взглядам местных, что я здесь чужая. Габриэль взял меня за руку. После моего звонка Ваяну Балику Кунингу мы помирились. Габриэль выслушал мой долгий рассказ и успокоил меня насчет лиры, родимого пятна, сходства и всего прочего. «Объяснение непременно существует, – заверил он меня, – нужно только подумать и найти его». Он пообещал мне помочь. И, чтобы не оставлять меня одну на кладбище, согласился вылезти из своей норы, надеть черный пиджак, темные джинсы и даже галстук. Спасибо, Габриэль, я знаю, каких усилий тебе стоило так вырядиться.

Четверо велосипедистов – самому младшему двадцать лет, самому старшему под сто – разом встали, чтобы поднять гроб. Я их узнала: красавчик-спасатель Максимильен, тренер по горным лыжам Люка, фермер-пенсионер Жюль, ученик пекаря Батист.

Следом за ними выстроилась процессия, все с кошельками наготове. Перед могилой и гробом мальчики из хора поставили ведро и корзинку – немного святой воды для потустороннего мира и несколько евро для этого. Я узнавала почти всех деревенских, за три недели все они перебивали в моем кабинете, и, возможно, мне было известно больше их секретов, чем тем, кто родился и вырос в Мюроле.

Не потому ли они смотрели на меня таким неподвижным, тяжелым взглядом? Вот уже несколько дней мне казалось, что местные

жители за мной следят. Особенно двое из них – полная энергии социальная работница и флегматичный секретарь мэрии.

Я готова была поклясться, что секретарь мэрии одинок, с виду – типичный старый холостяк. Но нет, он держал под руку даму настолько же эксцентричного облика, насколько консервативным был его собственный. Должно быть, его ровесница, лет пятидесяти, но одета так, будто моложе лет на двадцать. Этнического стиля туника поверх цветных колготок, из-под соломенной шляпы свисают серьги в виде буддийских барабанов, на шее странная медная подвеска из перекрученных спиралей.

По другую сторону от секретаря стояла Амандина, полная противоположность первой даме – строгая, во всем темном. Она тоже держалась поодаль – стеснялась или ей трудно было долго стоять и хотелось прислониться к кладбищенской ограде? Глядя на ее усталое лицо, я склонялась ко второму объяснению. Она пришла без Тома – наверное, решила, что десятилетнему ребенку не место на похоронах. Раньше я бы тоже подумала так. В свое время я не взяла Эстебана с собой на похороны моего отца. Ему тогда было всего восемь. Я попыталась ему объяснить, что люди там будут грустные, станут плакать, это может его напугать, и предложила, если хочет, нарисовать что-нибудь для дедули или написать ему записку.

Передавая из рук в руки кропило, некоторые крестились, другие что-то бормотали, но я не слышала слов, потому что здоровенные мужики в синей с золотом форме ревели, как большие младенцы. Потерять друга – значит утратить иллюзию бессмертия.

А дедуля сможет прочесть записку?

Странно, как иногда всплывают воспоминания. Я ни разу за двенадцать лет не вспоминала тот разговор с Эстебаном. И только эта церемония, это кладбище... эта тайна.

Надеюсь.

Я сидела на краю его кровати, дожидаясь, пока Эстебан заснет.

Значит, дедуля не умер? Только его тело было слишком старым. Но его ум еще жив. Ему надо найти новое тело. Мама, почему бы тебе не

родить ребенка? И у дедули было бы совсем новое тело.

Тогда я, кажется, улыбнулась. Или объяснила ему, что маленький ребенок совершенно не входит в мои планы или что у тела с духом все совсем по-другому, что у ребенка есть собственная личность, а может, и ничего не ответила, поцеловала Эстебана и выключила свет. По правде сказать, это напрочь вылетело у меня из головы. Я тогда не прислушалась к его рассуждениям, я восприняла это как милую выдумку маленького мальчика то ли под влиянием мультфильма, увиденного по телевизору, то ли после какого-нибудь разговора на переменке. Почему это воспоминание не всплыло раньше? Потому что тогда оно не имело никакого значения, ни с чем не перекликалось. А сегодня...

Амандина наконец подошла ближе, в последний момент, чтобы не пришлось томиться в очереди у гроба. Она шла осторожно, походкой куклы, у которой садятся батарейки, малейшее препятствие – и упадет. Походкой алкоголички, вот только у Амандины нет симптомов алкогольной зависимости. Скорее похоже на хроническую усталость. Я успела изучить ее походку, наблюдая за ней от источника над ее фермой, или от моста в Фруадефоне, или еще из двух-трех укромных мест, которые я нашла в заброшенной деревушке.

Да, это можно было бы назвать слезкой. Но я предпочитала называть это наблюдением, даже своего рода бдительностью. Почти профессиональным долгом.

Как бы то ни было, это навязчивое состояние.

Наблюдать за Томом. Следовать за Томом. Оберегать Тома.

Я знала, что не смогу продолжать так до бесконечности. Мне придется придумать другой план. Амандина в конце концов меня заметит. Она или социальная работница, Савина Ларош. Эта женщина, с тех пор как пришла на кладбище, то и дело искоса поглядывала на меня.

Пусть успокоится, я ничего плохого Тому не желаю, совсем наоборот!

Пусть они все успокоятся, я не сумасшедшая, я приехала сюда, чтобы их лечить, делать свое дело как можно лучше. Даже ощущая на себе тяжелые, давящие, настороженные взгляды. Я внезапно почувствовала себя слабой, потерянной. Мне нужна была помощь, самой с этим не справиться. И первым, о ком я подумала, был доктор Ваян Балик Кунинг, хотя я толком не понимала почему. Пытаясь отогнать его образ, я еще крепче стиснула руку Габриэля.

Мюрольское кладбище постепенно пустело. Некоторые направились к машинам, припаркованным на обочине, остальные разрозненными группками возвращались в деревню пешком. Спускаться легче, чем подниматься, все будто сбросили ношу с плеч, когда церемония закончилась.

Савина шла быстрым, решительным шагом, поглядывая на колокольню церкви и свисающие из окон мэрии трехцветные флаги. Она перекинулась несколькими словами с мэром и садовником Аленом. За это время Нектер и его спутница в шляпе и цветных колготках ушли вперед на сотню метров, но двигались они медленно, Савина без труда их нагнала. Пара цеплялась друг за дружку, словно чета старичков, вышедших на ежедневную прогулку, – маршрут всегда один и тот же, и все же они боятся потеряться.

– Астер, можно я похищу у тебя Нектера?

Астер отпустила руку Нектера, уступая место Савине:

– Забирай этого Усэйна Болта^[7]. Мне все равно надо идти лавку открывать.

Савина взяла под руку секретаря мэрии, который безропотно смирился со сменой партнерши.

– До вечера, братик, – попрощалась Астер и зацокала по асфальту каблучками ботинок, как у Мэри Поппинс.

Астер Патюрен держит в Бессе лавку «Галипот». Продает там разные штуки, которые туристам должны казаться экзотическими, полки заставлены исцеляющим лавовым камнем, омолаживающими кремами и мылом, склянками с родниковой водой, избавляющей от ревматизма, мазями от змеиных укусов, настойками на вулканической саламандре, а с потолка над головами покупателей свисают сплетенные из шерсти пятиногой овцы ловушки для снов, ведьмы на метле и марионетки, вырезанные из коры, подобранной в

зачарованных лесах. Туристы в восторге, тем более что Астер, похоже, во все это крепко верит. Они с Нектером живут в квартире, которую обустроили над лавкой. Брат с сестрой почти ровесники, разница между ними меньше года.

Астер уже достигла деревни и скрылась из виду, как и все остальные. Теперь Нектер с Савиной шли одни среди лугов. Ходьба для Нектера – своего рода йога, почти мистическое занятие, где каждое движение, каждое усилие надо как следует прочувствовать.

– Ники, может, немного ускоримся? Хотелось бы вернуться в мэрию до темноты. Потому что если ты на каждом шагу будешь останавливаться, чтобы ненароком не раздавить муравья...

Нектер не обиделся. Он никогда не обижался и философски предоставлял миру опережать себя. Задумчиво посмотрел на Савину, на ее серую шерстяную кофту поверх крестьянского платья, на ее стройные ноги в грубых ботинках. Ему всегда нравился ее облик неутомимой горянки.

– Иди вперед, если торопишься, не жди меня.

– Нет, ты мне нужен. Я хотела попросить тебя о помощи... – Савина замялась, прежде чем продолжить. – Скажи, ты никогда не думал еще послужить?

– Ты о чем?

– О твоей службе... Ты ведь раньше был полицейским?

Нектер остановился, разглядывая пасущуюся на соседнем лугу корову с темной шерстью. Та вытянула шею над колючей проволокой, будто прислушиваясь.

– И что же тебе понадобилось от бывшего полицейского?

– Чтобы он поработал, провел расследование.

– Для этого существуют жандармы. А чтобы они сюда явились, надо, чтобы кто-то совершил кражу или убийство.

Савина не сдавалась:

– Вот потому они и не явятся! И мне приходится обратиться к овернскому Шерлоку Холмсу.

– Скажи лучше – к Эркюлю Пуаро. Он ближе к сельской местности.

Социальная работница сделала вид, будто оценила шутку. Человек, который смеется, уже наполовину согласен.

– Я прошу тебя всего лишь привести справки. У тебя ведь остались друзья в полиции Клермона?

– Возможно... А о ком я должен привести справки?

– Угадай.

– Доктор Либери? Ты по-прежнему убеждена, что она готовится похитить этого мальчика, Тома Фонтена? Если она надеется получить от Амандины выкуп, то с тем же успехом можно ждать на вершине Санси следующего извержения.

И Нектер неспешно, как корова, которая возвращается в хлев, побрел дальше. Савина подхватила его под руку.

– За последние несколько дней я не раз заставала докторшу в Фруадефоне – у источника, у моста, на берегу реки. Рыщет вокруг фермы, будто шпионит за Амандиной и Томом.

– Она ведь живет в «Шодфурской мельнице», – напомнил Нектер, – вот и проезжает через Фруадефон.

– Ага! Теперь понятно, почему она всякий раз останавливается. Еще бы – ведь там есть «Мак-авто», торговый центр и ИКЕА! – Савина еще крепче вцепилась в руку секретаря, с трудом подавив желание его ущипнуть. – Я знаю, что говорю! С ней что-то неладно. Какой-то странный взгляд... Как к врачу к ней никаких претензий нет, но иногда кажется, будто у нее скрытое помешательство. Я ничего особенного не прошу, Нектер, просто разузнай о ее прошлом. Мы ведь ничего о ней не знаем. А у меня в таких делах есть интуиция, уж поверь.

– Ах, интуиция...

Нектер снова остановился и стал разглядывать траву на обочине. Они продвинулись на пятьдесят метров, до указателя «Мюроль» оставалось еще метров двести.

– Никогда не доверяй своей интуиции, – посоветовал секретарь мэрии, сорвав душистый колосок и поднеся его к губам. – Хочешь, я

тебе в чем-то признаюсь? Именно из-за этого я подал в отставку. И больше ничего расследовать не намерен.

– Объясни-ка.

– Когда я служил в полиции, я только и говорил, что про мою интуицию. Воображал себя этаким Коломбо, ну, ты знаешь – полицейским, у которого особый способ сопоставлять улики. Такой убежден, что, полагаясь на свой нюх, идет напрямик к истине, не дожидаясь, пока ему сунут под нос доказательство.

Коровы на соседнем пастбище убрили прочь, как будто потеряли надежду на то, что эти двое двинутся дальше.

– Не дожидаясь доказательств, – повторила Савина. – Понятно.

– И постоянно промахивался. Из-за меня свидетели оказывались в камере предварительного заключения. Из раза в раз я ставил не на ту лошадь. Хуже того, упорствовал, воображая себя внутри детективных историй, в которых преступником всегда оказывается не тот, кого подозревали. Я не верил очевидному, выдумывал ловушки и сложные махинации... Но истина часто оказывается удручающе простой. Виновен тот, на кого указывают улики, и полицейскому остается лишь надеть на него наручники и составить протокол. В конце концов в участке меня прозвали Боколом – Коломбо навыворот. Стоило мне кого-то заподозрить, и его тут же вычеркивали из списка подозреваемых.

– Вот видишь, сколько им от тебя было пользы, – пошутила Савина, – коллеги не смогут тебе отказать. А что касается интуиции – оставь ее девушкам. Я всего лишь прошу тебя разузнать насчет Мадди Либери. Нет ли у нее судимости? И насчет смерти Мартена Сенфуэна тоже узнай.

Они почти дошли до указателя с надписью «Мюроль». Уже была видна мэрия. У входа в деревню дети перекидывали друг другу шапку Яниса, единственного из них, кто был слишком тепло одет.

– Мартена? – удивился Нектер. – А он-то к этому какое отношение имеет?

– Помнишь, когда ты днем угощал его чаем, он говорил, что вечером хочет встретиться со мной наедине и поговорить про Амандину Фонтен.

– На что ты намекаешь? Мартен умер от сердечного приступа.

Савина помедлила, не зная, стоит ли продолжать. Посмотрела на Яниса, который бегал за своей шапкой, перелетавшей из рук в руки.

– Знаю... но тебе не кажется странным, что главный свидетель умирает, не успев заговорить?

– О чем заговорить? Разве Мартена убили? Ни на секунду в это не поверю!

– Тогда, может, я на верном пути, а, Боколом?

– Ха-ха-ха!

Они обогнули ватагу детей, которые все еще весело галдели и толкались. Шапка Яниса в конце концов повисла на водостоке агентства по недвижимости. Где проходит граница между игрой и издевательством?

– Сушняк говорит, – продолжала Савина, – что лейтенант Леспинас просил медиков провести вскрытие. Насколько ему известно, полицейским этот инфаркт тоже показался странным. Мартен всегда занимался спортом и был под наблюдением врача. У него не отмечалось проблем с сердцем, это подтверждает справка, выданная ему меньше двух недель назад.

– И кто эту чертову справку подписал?

– Если бы ты поменьше интересовался травами и марками и побольше – людьми, ты бы это знал. Все в курсе, кроме тебя. Ты не заметил, как все на нее смотрели? Сколько, по-твоему, у нас в деревне врачей? Разумеется, это доктор Мадди Либери подтвердила, что сердце у Мартена работало как часы!

Нектер Патюрен обдумывал информацию. Может, мозг бывшего полицейского уже раскочегарился? Или, напротив, отказывался строить какие бы то ни было домыслы?

Они поравнялись с мэрией, оставалось лишь дорогу перейти, но Нектер потянул спутницу дальше, к единственному пешеходному

переходу.

Савина шагнула на мостовую.

– Только не говори мне, что ты ко всему прочему еще и боишься переходить не по зебре.

Секретарь шел к белым линиям.

– Да здесь самое большее три машины в день проезжают! – не унималась Савина.

Нектер остановился и с улыбкой повернулся к ней:

– Видишь ли, люди делятся на две группы. Одни переходят дорогу там, где положено, другие где попало. Понимаешь? Одни ждут, чтобы появился зеленый человечек, другие протискиваются среди машин, едва те притормозят.

Савина уже была на другой стороне улицы.

– Ладно, я поняла. Я определенно в лагере вторых. Это опасно, доктор?

– Очень... И даже смертельно опасно. Это значит, что ты живешь в постоянной спешке, что каждая минута у тебя на счету, а каждая потерянная секунда – частица жизни, которую никогда уже не вернешь. Короче говоря, ты боишься умереть.

Савина смотрела, как Нектер идет через улицу Жассаге – куда осторожнее, чем если бы он пересекал бульвар Осман.

– А ты что, нет?

– Конечно, да. Так вот, люди делятся на тех, кто думает, будто у них всего одна жизнь, и тех, кто чувствует, пусть не осознавая этого, что уже прожил много жизней и еще много их проживет.

– Значит, ты прожил раньше много жизней и потому никуда не спешишь?

– Понятия не имею, это всего лишь предположение. Иначе как ты объяснишь, что одним не сидится на месте, им хочется три раза прокатиться вокруг света, а другим, как мне, хорошо только дома? Может, это потому, что я уже десятки раз побывал в Австралии, Лапландии и на острове Пасхи в прошлых жизнях. Так что теперь мне не так уж хочется закинуть за спину рюкзак.

Савина, задумавшись, вошла во двор мэрии, и в эту самую минуту пять подростков пронеслись вниз по улице на скейтбордах, роликах и самокатах, огибая Нектера, как столб, еще немного – и сшибли бы. Она едва успела узнать Элиота, Нолана и Адана.

Нектер еще долго после того, как подростки скрылись из виду, дрожал, замерев на пешеходном переходе.

– Почему эти придурки не в школе? – возмутился секретарь мэрии.

– Сейчас зимние каникулы. – И Савина посмотрела на безлюдные зеленые склоны массива Санси вдалеке. – Да и кататься им больше негде, кроме как по улицам Мюроля.

– Жаль, что в прошлой жизни они ноги себе не переломали, – буркнул Нектер.

Он осторожно завершил переход улицы, поглядывая то на мэрию, то на закрытую калитку школы, то на пустую стоянку у медицинского кабинета.

– В одном не приходится сомневаться: твоя докторша больше не сможет отслеживать Тома после уроков.

Савина, мгновенно сделавшись серьезной, поднялась по ступенькам на террасу мэрии.

– Нектер, я не шучу! На этот раз – нет. Я чувствую, что этот ребенок в опасности. И что у Амандины не хватит сил его защитить. Ты же видел на кладбище, до чего она измученная. Это моя работа! Твоя – ну, скажем, отклеивать марки и заваривать чай. А моя – сделать так, чтобы у местных детишек все было хорошо.

Нектер наконец достиг другого берега.

– Что ж, милая моя, приготовь нарукавники и спасательный круг. Ты не хуже меня знаешь, что Том любит не кататься, а плавать. Лето он проводит на озере, а зиму – в бассейне.

Том только что проплыл свои двести метров в бассейне аквацентра. Четыре дорожки четырьмя стилями: баттерфляем, на спине, брассом и под конец кролем. Взглянул на большие часы, помахал тренеру Максимильтену и побежал под душ.

Том был доволен. Он-то думал, что в воде будет больше народу, раз горнолыжные подъемники закрыты и туристы скучают в своих апартаментах, но нет... Надо думать, парижане, перед тем как ехать в Овернь, не поинтересовались сводкой погоды и не взяли с собой купальники и плавки. Сейчас, наверное, бродят по прогулочным тропинкам.

Том долго торчал под обжигающим душем. Конечно, он мог бы принять душ и дома, на ферме. От бассейна до Фруадефона всего семь километров в горку, на велосипеде Том пролетает их меньше чем за полчаса и подкатывает к дому весь взмыленный. Но ему больше нравится душ в бассейне. Дома из ржавого крана чуть теплая водичка течет так же слабо, как Куз-Шамбон после засушливого лета. Он еще и потому так любит бассейн в аквацентре, что здесь все чистое: стекла, синяя плитка на стенах и светлая под ногами. Даже когда льет дождь, когда везде грязь и Куз-Шамбон выходит из берегов и закручивает коричневые водовороты, а дороги превращаются в сточные канавы. Бассейн – его убежище. Стоит ему пройти через турникет и оставить кроссовки в ячейке у входа – и больше ничего с ним случиться не может.

Вот о чем думал Том, глядя на мальчика, который только что вошел в душевую. Его ровесник, лет десяти. Того же роста, и такой же тощий, с такими же длинными руками пловца – но прежде всего Том заметил его шорты. Цвета индиго. Как у него самого!

Мальчик сразу встал под душ, как Том за пятнадцать секунд до него. Под соседний, отделенный лишь стеклянной перегородкой,

такой прозрачной, что казалось, будто это зеркало.

– Привет.

– Привет, – повторило зеркало.

Странно – зеркала не разговаривают! Тому захотелось пройти сквозь это зеркало. Мальчик по ту сторону стекла не так уж был похож на него самого, но при этом казалось, что незнакомец повторял, как отражение, все движения Тома. Так же намазал себя гелем, достал шампунь, когда Том достал свой.

– Давно плаваешь? – спросил Том. – Не видал тебя в бассейне.

– А меня здесь и не было, – ответило странное отражение.

Том протянул руку, прижал ладонь к стеклянной перегородке:

– Ты... настоящий?

Отражение сделало то же самое. Их ладони сомкнулись, не соприкасаясь.

– Ты спятил? – сказала отражение. – Что за вопрос!

– Почему спятил?

– Ты же меня видишь? И я с тобой разговариваю. Разве это не значит, что я настоящий?

– Необязательно, – ответил Том, не отнимая руки от запотевшего стекла. – Я мог тебя выдумать. Ты был бы у меня в голове, вроде как фантом...

Странное отражение убрало с лица волосы.

– Не очень приятно, когда тебя называют фантомом. Призраком!

– Не обижайся. Я просто рассуждаю вслух, – сказал Том. – Я вообще редко с кем разговариваю. Не так уж много у меня друзей. Кстати, меня тоже обзывают фантомом. Я Фан-ТОМ. Потому что меня зовут Том.

Отражение улыбнулось.

– У меня друзей тоже немного.

– Да что ты!

Улыбка в зеркале застыла. Отражение с обиженным видом принялось взбивать на голове шапку белой пены.

– Значит, ты решил, что я призрак?

– Нет... То есть не знаю, все сложнее. Знаешь, что я на самом деле думаю? Что ты – воспоминание о моем прошлом! Ты – мой фантом и пришел из одной из моих прошлых жизней.

Белая пена стекала по лицу отражения, видны были только глаза.

– Ух ты! Из прошлой жизни! Я такой старый? – Отражение приблизилось к стеклянной перегородке, его лицо тоже было в пене, как и у Тома.

Мальчики пристально вглядывались друг в друга.

– А если я тебе все объясню, ты никому не расскажешь? Потому что это секрет.

– Как же я могу кому-нибудь рассказать, если я фантом?

– И правда! – Том улыбнулся. – Ладно, постараюсь тебя не обидеть, но ты должен знать правду. Насколько я знаю, ты умер, когда тебе было десять лет.

Отражение смахнуло пену, от которой у него щипало глаза.

– Мне скоро будет десять. Значит, я умру?

– Да нет же, ты уже умер! Десять лет назад. Примерно тогда же, когда я родился, и твоя душа, ну то есть твое сознание, твои мысли, все это переселилось в мое тело. Вот почему я тебя вижу и могу с тобой разговаривать. Ты – будто воспоминание о моем прошлом, будто я вижу себя в зеркале, но с запозданием на десять лет! И с другим телом и другим лицом.

– Мы все-таки похожи, – заметило отражение.

– Да, немножко... И у нас одинаковые шорты. По ним я и понял, что ты – мой фантом.

Отражение сдуло пену с кончика носа, пузырьки взлетели и облепили стеклянную перегородку.

– Ты бредишь! Но мне нравится тебя слушать, – сказала отражение, разглядывая Тома.

На этот раз обиделся Том.

– Не веришь мне? Давай проверим. Контрольный вопрос: скажи, что тебе нравится?

– Кроме твоего бреда?

Том вздохнул. До него начало доходить, что его фантом не так уж легко поддается приручению.

– Да, кроме этого! Хватит тупить!

– Ну, плавать, как ты догадываешься... И от музыки я тащусь.

– В точности как я! Вот видишь!

– Нет, прости, не вижу. Разве не все мальчишки нашего возраста от нее тащатся? – Ополоснувшись наконец под душем, отражение наклонилось и подобрало флакон с шампунем. – Извини, Том, мне пора. Еще увидимся. Приятно было с тобой поболтать, узнать, что я умер, и все такое!

– Ладно, беги. И не расстраивайся. Мы все равно еще встретимся. Мне достаточно закрыть глаза – и ты появишься где и когда мне захочется... Ведь ты у меня в голове.

Отражение замерло на месте.

– Ты точно спятил! Ты что, правда не видишь, что я живой? Смотри.

И вдруг принялось изо всех сил стучать по перегородке. Грохот разносился по всей раздевалке. Тут же появился Максимилиен. Ему не хотелось мочить шлепанцы, и он крикнул издали:

– Что здесь происходит?

– Ничего, все в порядке, Макс, – отозвался Том.

Тренер ушел, снова влез на свою вышку.

– Вот видишь? – Отражение торжествовало.

– Что вижу? Ты не понимаешь, что это я все придумываю? Ты как кукла, деревянная марионетка вроде Пинокио. Вообразил, будто можешь дышать, и не понимаешь, что двигаешься, только когда кукольник дергает за нитки.

Отражение засмеялось.

– Ты в самом деле псих! Ничем тебя не убедить, что я обычный человек? Ну ладно, попробую в последний раз. – Он положил флакон с шампунем на пол и подтолкнул ногой, чтобы тот проскользнул под стеклянной перегородкой. – Лови и убедись, что он настоящий!

Том посмотрел вниз и прочитал на покрытой пеной этикетке:

– «Мягкий шампунь. Мед и овес». – И, внезапно пошатнувшись, уперся руками в перегородку, чтобы не упасть. – Ты... ты моешь этим голову?

– Ну да. А что такого? Овес для фантомов – как чеснок для вампиров, да?

Том не отреагировал на шутку. Ему стало трудно дышать, он смотрел на флакон, как на пузырек с ядом.

– Значит, ты ничего не помнишь? – в конце концов прошептал он. – Ты потерял воспоминания.

– Эй, Томми, мне нравится, как ты валяешь дурака, но ты начинаешь меня пугать.

Мальчик наклонился и подобрал свой шампунь.

– Мне пора. Кстати, если я призрак, который все забыл, скажи мне, как я умер?

У Тома загорелись глаза. Неужели фантом наконец-то начинает поддаваться и позволит себя приручить? Он посмотрел в сторону бассейна.

– Ты утонул!

– Ага... – Фантом, изо всех сил стараясь не показать, что его это задело, прибавил: – И еще... Скажи, как меня звали?

– Почему «звали»? Имя-то не поменялось после того, как ты умер! Тебя звали и вечно будут звать... – Том сделал небольшую паузу. – Эстебан!

Эстебан? – безмолвно повторил за ним фантом.

Станный мальчик до крови закусил губу, чтобы не закричать. Словно все воспоминания нахлынули разом, словно до призрака только теперь дошло, что он в самом деле умер.

Он молча повернулся, избегая встречаться глазами с Томом, и побежал в раздевалку, скользя босыми ногами по мокрому полу.

Забрать вещи, одеться и уйти. Как можно быстрее.

В кулаке у Эстебана была зажата монетка в один евро – для его ячейки в раздевалке.

Третья стадия: Юная душа

Мадди, юные души нетерпеливы, честолюбивы и отважны. И эгоистичны. Они хотят оставить след, любой ценой, не зная, что время у них есть. Так много времени и так много других жизней. Если бы мир был населен только юными душами, он вскоре оказался бы предан огню и мечу. Но без юных душ мир был бы лишен плоти и пыла.

IV. Интуиция *Анифобия*

14

– Габи, тебе не попадалась моя флешка?

– Твоя что?

Габриэль высунул голову из-под душа. Только голову. Я видела его через приоткрытую дверь ванной. Сама я в спальне выдвигала один за другим ящики тумбочки, снова и снова вываливала украшения из шкатулки, перетряхивала простыни, выворачивала карманы одежды в платяном шкафу.

– Флешка! Та, на которую доктор Кунинг записал для меня все наши разговоры.

Теперь Габриэль высунул шею, руку и колено.

– А где она была?

И, не дожидаясь ответа, снова нырнул под душ, скрылся за перегородкой из матового стекла. Невыносимое безразличие! Раньше он кинулся бы мне помогать как есть, голый и мокрый. Раньше Габриэль не стеснялся.

Раньше...

Когда – раньше?

До того, как мы переселились в Овернь?

До нашей поездки в Сен-Жан-де-Люз?

До того, как я помешалась?

Я заорала, чтобы до него дошло, насколько важна эта флешка:

– Габи, какого черта, ты вообще понимаешь, что на этой флешке была... там была вся моя жизнь!

Далекий, размытый голос, пробиваясь сквозь шум воды, терпеливо повторил:

– Где она была?

– В моей сумке! Где, по-твоему, она могла быть? Она всегда была у меня при себе!

Я понимала, что выгляжу глупо, оттого что так завелась, что Габи ни при чем, мне просто надо было на ком-то сорваться.

Размокший голос полился снова. Я сомневалась, что он поможет мне успокоиться.

– Ой, да ты везде ее таскаешь, свою сумку! В машине смотрела? А в своем кабинете?

Спасибо, Габи! Вот если бы ты помог мне искать – это мне точно помогло бы.

– Да! Я уже везде проверила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Мишель
БЮССИ

ТЫ НИКОГДА
НЕ ИСЧЕЗНЕШЬ



Сноски

1

«Птица птиц», стихотворение баскского поэта Хосеана Арце, стало очень известным в виде песни, музыку к которой написал Микель Лабоа. – *Здесь и далее примеч. перев., если не указано другое.*

[Вернуться](#)

2

Баскские флаги. – *Примеч. авт.*

[Вернуться](#)

3

Песня британской рок-группы «Оазис».

[Вернуться](#)

4

Раймон Пулидор (1936–2019) и Жан Анкетиль (1934–1987) – легендарные французские велогонщики, соперничество между ними – одно из самых известных противостояний во французском спорте, кульминацией которого стал поединок на горных склонах в Туре во время гонки 1964 года. Хотя у Анкетилия было намного больше побед, Пулидор пользовался особой любовью у болельщиков.

[Вернуться](#)

5

Бернар Ино (р. 1954) – пятикратный победитель велогонки «Тур де Франс», последний из французов, выигравший главную велогонку мира. Тибо Пино (р. 1990) – один из лучших сегодня французских велогонщиков. Пьер Матиньон (1943–1987) – малоизвестный велогонщик, на «Тур де Франс» 1969 года он финишировал последним. Эдди Меркс (р. 1945) – бельгийский велогонщик, один из самых успешных гонщиков в истории велоспорта.

[Вернуться](#)

6

С 1975 года – расцветка майки «горного короля», лидера горной классификации велогонки «Тур де Франс».

[Вернуться](#)

7

Ямайский легкоатлет, многократный рекордсмен в беге на короткие дистанции.

[Вернуться](#)